

Кипарисов В. Ф. Наша сельская проповедь. [Рец. на:]
Надеждинский Г., священник. Беседы на апостольские и евангельские
чтения, положенные православной церковью на службах воскресных
и праздничных дней всего года. Саратов, 1893 // Богословский
вестник 1893. Т. 4. № 12. С. 566–617 (2-я пагин.).

НАША СЕЛЬСКАЯ ПРОПОВѢДЬ.

*(По поводу книги: „Бесѣды на апостольскія и евангельскія чтенія,
положенныя православною церковью на службахъ воскресныхъ и
праздничныхъ дней всего года“. Свящ. Георгія Надеждинскаго. Са-
ратовъ. 1893 г.—).*

Что такое „сельская“ проповѣдь? Можетъ ли и должна
ли быть таковая? Вотъ вопросы, которые могутъ возникать
у много читателя, лишь только онъ услышитъ о „сельской“
проповѣди! Сознаемъ законность возникновенія подобныхъ
вопросовъ, ибо знаемъ, что „сельскіе христіане“ не особая
порода людей, для которыхъ недоступно Евангеліе: это
тѣ же человѣческія души, одаренныя умомъ, волею и чув-
ствомъ, — способностью печалиться и радоваться, стыдиться
и раскаяваться, совершать въ своемъ положеніи истинныя
подвиги и глубоко испадать, словомъ жить духовно и уми-
рять духовно... Но и мы тоже — не будемъ очошь неправы,
если только читатель потрудится обратиться къ своимъ вос-
поминаніямъ.

Въ то время, когда мы пишемъ, читаемъ и говоримъ о
разныхъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ движеніяхъ въ
обществѣ, запросахъ и „отрадныхъ явленіяхъ“, болѣе или
менѣе питающихъ наше воображеніе, когда полемизируемъ
противъ явнаго и тайнаго толстовства, боимся зараженія
имъ и потрясенія вѣры въ народѣ и т. д. и т. д.: что мы-
слимъ и дѣлаемъ наше крестьянское село? Приходило ли
вамъ это на умъ? Припомнимъ весьма недавнее прошлое:
вотъ одинъ годъ — село голодаетъ, невыносимо страдаетъ
и — терпитъ и терпитъ! Вотъ другой — тоже голодаетъ, бо-
лѣетъ, страшно безчинствуетъ, звѣрски буйствуетъ и съ

покорностью Провидѣнію встрѣчаетъ смерть! Противъ кого буйствуетъ, кого истязуетъ? Противъ людей, которые сами во множествѣ жертвовали для ближняго своей жизнью! Что привело къ такому нехристіанскому дѣлу людей вѣрующихъ во Христа? Желаніе избавиться отъ того, чтобы „докторы шару не напустили“, крючьевъ не заготовляли, и вотъ эти буйства и пасидія совершали люди не обиженные ни здравымъ смысломъ, ни человѣческимъ чувствомъ! Но обратимъ вниманіе на наше крестьянство при обычномъ теченіи дѣлъ: чѣмъ живетъ оно въ духовномъ отношеніи? Съ перваго взгляда представляется, конечно — интересами низменными, то есть физическими. Скотинка падаетъ — мысль погружена въ заботу о скотинѣ. „Мы въ скорби и большой печали, такъ какъ почти весь май нѣтъ дождей, и жары стоятъ страшныя“: вотъ печаль, неизвѣстная намъ, которые проводимъ время въ высокихъ размышленіяхъ объ идеалахъ, о сравнительномъ достоинствѣ того и другого, по — пытаемся все таки молокомъ выдоеннымъ отъ той коровы, за которой такъ нѣжно ухаживаютъ не всегда нѣжная баба! Презрѣнны ли, однако, печали сельскія? А главное — только ли тамъ и есть въ самомъ дѣлѣ, что эта печаль по вопросамъ о скотинкѣ и только ли этотъ физическій интересъ? Нѣтъ. Съ тоской люди сельскій смотрятъ на небо физическое и молятся о дождѣ. Но — не только о дождѣ, а и о грѣхахъ своихъ, которыми они считаютъ себя прогнѣвившимъ Творца. Этотъ людъ жаждетъ также не грѣшить, но опять было бы грубой ошибкой думать, что это для того только, чтобы въ маѣ были дожди, а скотинка не падала бы; нѣтъ, и для того, чтобы, по христіански умеревъ, неностыдно предстать предъ нелицеприятнымъ Судіею — для того же, для чего трудится, не своему, и упражняющійся въ высокихъ богомысліяхъ ученый богословъ! Есть въ селѣ свои волненія душевныя, свои антиноміи, свои надежи совѣсти, даже свои грѣхи противъ каждой заповѣди. Міръ обижаетъ, писарь несправедливо въ руку сосѣда тянетъ; земскій за грубость посылаетъ въ кутузку, а сидѣть не хочется: кто будетъ здѣсь отрицать законность и возможность душевныхъ волненій? Дети кричатъ и болѣютъ; мужъ жену не любитъ; покраденое никакъ не разыскивается; нужно имѣть дѣло со знахаремъ и знахаркой, а — батюшка гово-

рить, что ворожба и нашенывалис есть грѣхъ противъ одной изъ заповѣдей, и—вотъ вамъ падежъ совѣсти „многострадальной русской матери“, своей собственной грудью вскармливающей члена Церкви Христовой и вѣрнаго слугу государя: презрѣнные ли все это интересы?

Словомъ—какіе ни какіе, высокоумные или малоумные, но у русскаго сельскаго жителя есть свои интересы душевные; интересы не всегда понятные въ качествѣ „запросовъ, движеній“ и тому подобнаго, но интересы дѣйствительные, ибо не все ли равно: смущенная совѣсть, оскорбленное чувство христіанской правды—будуть ли онѣ имѣть своимъ содержаніемъ легко разрѣшимый для насъ вопросъ мужика и бабы, или нелегко разрѣшимый вопросъ ученаго мужа, не грѣшащаго никакимъ суевѣріемъ? Не одинаково ли законно желаніе уберечься отъ паденія нравственнаго — въ душѣ достигающаго высокаго совершенства подвижника, или въ душѣ младенствующаго въ вѣрѣ и морали крестянина?

Если же въ обитателѣ русскаго села есть свои запросы, свои интересы, то — думаемъ — не только можетъ, но и *должна существовать русская сельская проповѣдь*, какъ такая, къ которой должно предъявлять свои особыя требованія, съ точки зрѣнія которыхъ она и можетъ почитаться или удовлетворительной или неудовлетворительной. Но существуетъ ли въ русской проповѣднической литературѣ проповѣдь такого назначенія, а если существуетъ, то отвѣчаетъ ли она своему назначенію?

Въ послѣднюю четверть вѣка несомнѣнно въ нашей литературѣ стало являться не малое, по сравненію съ нашей литературной производительностію вообще, количество сборниковъ проповѣдей именно съ такимъ назначеніемъ, — подъ названіемъ проповѣдей „для простаго народа“. Какъ извѣстно, въ 1866 году былъ объявленъ даже конкурсъ на составленіе такихъ проповѣдей. Но послѣдніе годы, кажется, уразднили нужду въ особомъ поощреніи составлять сборники такого назначенія: въ рѣдкой епархіи не появлялось мѣстнаго автора, издававшаго книгу своихъ проповѣдей съ назначеніемъ „для простаго народа“, что по условіямъ русскаго быта, и равносильно почти проповѣди для сельскаго люда. Русское пастырство, значить, не равно-

душно было къ духовнымъ интересамъ крестьянской массы. Одинъ изъ такихъ опытовъ проповѣдей такого назначенія для нашего, и при томъ чисто земледѣльческаго, села теперь предъ нами. Это — „Бесѣды на апостольскія и евангельскія чтенія, положенныя православною церковью на службахъ воскресныхъ и праздничныхъ дней всего года, священника Георгія Надеждинскаго. Саратовъ, 1893 года“. Но прежде чѣмъ говорить о книгѣ, какъ объ одномъ изъ опытовъ нашей сельской проповѣди, посмотримъ: кто авторъ-проповѣдникъ и кому онъ въ самомъ дѣлѣ проповѣдывалъ?

Авторъ проповѣдей—сельскій священникъ, но проповѣдникъ начинающій и не впервые даже выступающій въ свѣтъ писатель. Если не ошибаемся, о. Надеждинскій уже издавалъ прежде книгу своихъ проповѣдей, а также несомнѣнно издалъ ранѣе другую книгу не гомилетическаго, а общаго духовно-литературнаго содержанія (см. Бесѣд. стр. 307, гдѣ онъ ссылается на свою книгу: ученіе о христіанскихъ добродѣтеляхъ, изд. 1884). Что мѣсто его проповѣдыванія есть именно село—это видно изъ того, что онъ говоритъ о себѣ какъ объ одномъ „изъ сельскихъ пастырей, изстари снискивающихъ себѣ дневное пропитаніе въ потѣ лица“ (Бесѣд. стр. 93), по которымъ однако „этотъ ихъ трудовой кусокъ хлѣба бываетъ отравленъ ядомъ людскаго злословія и облитъ горькими слезами униженія“ (стр. 221). Проповѣдникъ жалуется на „тяготы крестьянскаго труда“ раздѣляемаго съ крестьянами, какъ извѣстно, и нашими сельскими пастырями и желаетъ, чтобы сельскіе пастыри „поставлены были въ условія жизни болѣе благопріятныя для ихъ служенія“ (стр. 30): жалобы и пожеланія знакомыя по опыту близкихъ къ каждому почти изъ насъ! Что проповѣди назначаются для земледѣльческаго села, и это съ ясностію видно изъ самыхъ проповѣдей, иначе сказать—видно, что слушатели проповѣдника пахари крестьяне. „Вамъ, поселянамъ—говоритъ въ одномъ мѣстѣ проповѣдникъ—слово апостола (о томъ, что кто сѣетъ скупо, тотъ скупо и пожнетъ) должно быть весьма понятно, такъ какъ вы сами видите, что кто много сѣетъ разнаго хлѣба и съ особенною тщательностію обрабатываетъ свои поля, завсегда получаетъ обильные плоды отъ трудовъ своихъ“, и проповѣдникъ про-

еніе слушателей „перенестись мыслию отъ своего полевого дѣла къ дѣлу“ другому, чисто нравственному — къ благотворенію (стр. 286). Напоминаетъ проповѣдникъ слушателямъ ихъ постоянное дѣло и при изъясненіи притчи о сѣятелѣ: „что представлено Господомъ въ притчѣ, то бываетъ и при вашемъ посѣвѣ, братіе хлѣбопашцы“ (стр. 315). И опъ хочетъ воспользоваться притчею о сѣяніи какъ о дѣлѣ знакомомъ слушателямъ, чтобы извлечь урокъ „изъ этого, хозяйственнаго дѣла — сѣянія сѣмянъ“ (стр. 317). Возстаютъ предъ читателемъ бесѣды и другія знакомыя картины нашего села, напримѣръ: „съ особымъ радостіемъ въ селеніи было открыто *четыре* кабака“. между тѣмъ какъ — говоритъ проповѣдникъ слушателямъ — „вы всячески избѣгаете затраты на благоуукрашеніе храмовъ Божіихъ, на устройство училищъ, на пужды приходскихъ попечительствъ“ (стр. 337). Земледѣльцы, однако, слушатели автора не столько вѣроятно скупы на подобныя дѣла, сколько бѣдны, при чемъ все таки не нужно удивляться и количеству питейныхъ заведеній: это, къ несчастію, показатели не богатства окрестныхъ насельниковъ, а скорѣе ихъ бѣдности. Вслѣдствіе этой бѣдности своихъ слушателей проповѣдникъ не находитъ возможнымъ притчу о евангельскомъ богачѣ, созидающемъ большія житницы, прихѣплять къ нимъ въ прямомъ и непосредственномъ смыслѣ. Проповѣдникъ правда спрашиваетъ: „нѣтъ ли и между нами такихъ, кои помышляютъ только о покоѣ, пиршествѣ, довольствѣ, веселіи и роскоши? Но въ этихъ убогихъ хижинахъ, въ какихъ проживаете вы, въ этихъ клѣтущкахъ, въ кои вы собираете плоды трудовъ вашихъ; скудная обстановка вашей жизни, почти поголовная бѣдность: что могутъ имѣть общаго съ жизнію Евангельскаго богача?“ (стр. 365). Отсюда видно, что при церковно-учительныхъ трудахъ проповѣдника во всякомъ случаѣ имѣлся въ виду опредѣленный кругъ слушателей, съ извѣстными внѣшними признаками. — Теперь, каково нравственное состояніе слушателей о. Надеждинскаго?—вопросъ также необходимый для того, чтобы правильно судить если не о достоинствѣ его проповѣдничества вообще, то по крайней мѣрѣ о его книгѣ проповѣдей?

Проповѣдникъ не даетъ читателю случая думать ни того, чтобы его слушатели составляли нарочито хорошую почву

для церковнаго ученія, ни того, чтобы почва эта была особенно неблагоприятна. Мы въ правѣ думать о его слушателяхъ, что питейныя заведенія среди нихъ не бездѣйствовали, если уже ихъ было числомъ четыре, хотя проповѣдникъ, кажется, держится того справедливаго мнѣнія, что это бываетъ и не въ одномъ только селѣ: мѣръ вездѣ „угодничество плоти до того изощриль, что нѣтъ ни мѣста, ни времени свободныхъ отъ соблазна“ (стр. 114); въ отношеніи же къ селу проповѣдникъ отмѣчаетъ то не безызвѣстное послѣдствіе существованія этихъ „мѣсть соблазна“, что отъ нихъ для крестьянской семьи дѣло „въ лучшемъ смыслѣ оканчивается дѣлежомъ, а въ худшемъ совершеннымъ обнищаніемъ“ (стр. 361). Видно также, что слушатели проповѣдника были не чужды и такихъ наклоностей, какъ „приправить свои бесѣды пересудами и злословіями ближняго“, а употребленіе дурнаго слова склонны извинять „своимъ отношеніемъ къ ближнимъ и домашнимъ животнымъ, свое пьянство — семейною или какою либо общественною радостью“ (стр. 565); послѣ богослуженія — они не прочь, по слѣдамъ отновъ — предаваться не безопаснымъ въ нравственномъ отношеніи играмъ, а въ извѣстное время года — „не успѣвъ придти отъ службы церковной, вы — говорили однажды проповѣдникъ — устроете какое-то чучело, а потомъ, подбодренные виномъ, несоте свое чучело по стогнамъ весей съ пѣсями и пляской, съ разгуломъ, заканчивающимся обыкновенно безобразными дѣлами тьмы, о которыхъ и говорить даже стыдно“ (стр. 134). Отмѣчаетъ проповѣдникъ, своимъ укоромъ, и ту черту въ слушателяхъ, что они, конечно, молятся Богу, но — „при первой неудачѣ оставляютъ молитву и ищутъ себѣ утѣшенія уже не въ религіи, а въ повѣрїяхъ, въ силѣ разныхъ шептуновъ и ворожей“ и проповѣдникъ считаетъ „жалкими плодами сего: повсюдныя неурожай и губительныя повѣтрїя, какія-то странныя боли въ людяхъ, частые пожары и разные ссоры, кончающіяся раздѣленіемъ семей“ (стр. 283). Есть и болѣе важныя данныя для сужденія о слушателяхъ, для которыхъ изданныя бесѣды назначались. Такъ, конечно авторъ не исключалъ и свою собственную сельскую паству, когда въ своей проповѣди говорилъ, что „нашъ простой народъ весь и всецѣло отдается спасительному водительство православно-

ной церкви“, что „сильны и вѣра его и молитвы, что онъ не только обилуетъ дарами благодати таинствъ, но и удостоивается дождемъ благовременныхъ и изобилія плодовъ земныхъ“ и проч. (стр. 50). Въ частности онъ не сомнѣвается въ истинной и нелицемѣрной вѣрѣ прямо уже своихъ слушателей: „не думаю, говорилъ проповѣдникъ, чтобы между вами были сомнѣвающіеся въ истинахъ проповѣдуемыхъ символомъ вѣры“ и онъ желаетъ только, чтобы вѣра ихъ была „чиста отъ примѣсей суемудрыхъ и грубыхъ умовъ“ (стр. 131). Конечно — если проповѣдникъ изъ тѣхъ, кого онъ обозначаетъ терминомъ „нынѣшнихъ христіанъ“, не исключаетъ опять и свою паству, и если это будетъ не общее проповѣдническое мѣсто, то мы изъ его словъ должны заключать, что тѣмъ не менѣе однакоже и его слушателей коснулось уже вѣяніе духа тлетворнаго. „Мы (теперь)— говорилъ проповѣдникъ однажды — окружены хулителями Сына Божія. Кому изъ насъ не приводилось встрѣчать подобныхъ людей и слышать отъ нихъ хульное слово о Богѣ Словѣ, поношеніе святой церкви, глумленіе надъ ея служителями и крайнее презрѣніе ихъ учительнаго слова?“ Чаше, чѣмъ съ другими проповѣднику, кажется, приходилось встрѣчаться съ послѣднимъ изъ печальныхъ явленій. „Между христіанами есть не мало такихъ, для которыхъ не выносимо присутствіе служителей Божіихъ. Слышно даже, что таковыя похваляются своими уклоненіями отъ принятія служителей Божіихъ“ (стр. 336). Онъ свидѣтельствуетъ о „дурномъ обычаѣ нашихъ чадъ, по которому они соблазняются не только юностію молодыхъ пастырей церкви Христовой, но и вообще заботами пастырей, обусловливаемыми общечеловѣческими потребностями. И не соблазняются только, но и зло смѣются поэтому случаю наши духовныя дѣти надъ своими духовными отцами“ (стр. 409). Но можно думать, что собственно сельская и, въ частности, паства проповѣдника доставляла ему не особенно много случаевъ видѣть такое религіозное состояніе, ибо въ его же словахъ обнаруживаются черты, которыя даютъ разумѣть, что сказанное относится не столько къ опытамъ его собственной пастырской практики, сколько вообще къ состоянію „нынѣшнихъ христіанъ“, какъ онъ выражается: это — укору проповѣдника тѣмъ, кои „считаютъ для себя цѣловкимъ

исполнять нѣкоторые изъ христіанскихъ обычаевъ: пренебрегаютъ знаменіемъ креста при входѣ въ домъ, при принятіи пищи, считаютъ излишнимъ освящать свои дома окропленіемъ святой воды“ (стр. 1. 55. 60). Очевидно, что это—свойство города и образованнаго человѣка, а не села и пахаря. Село же и пахарь *и вѣруеть, какъ умѣеть, и молится, какъ можетъ*: это со всею ясностію постоянно свидѣтельствуется самимъ же проповѣдникомъ и ни одинъ читатель проповѣдей о. Надеждинскаго въ этомъ не усумнится. Вотъ, напримѣръ, характерное мѣсто, дышащее такой христіанской правдой, а уже никакъ не риторикою, въ устахъ достопочтеннаго пастыря. „Учителю благій! Что мнѣ дѣлать, чтобы наследовать жизнь вѣчную: *подобный вопросъ чисто приходится слышать и отъ насъ*. Вы, и даже очень часто, встрѣчаете не только пастыря Церкви, но и простыхъ грамотѣевъ вопросомъ: „что сдѣлать намъ для того, чтобы наследовать жизнь вѣчную?“ Очевидно подобный вопросъ оттого постоянно бываетъ у всѣхъ васъ на умѣ и устахъ, что *вы все желаете себѣ спасенія*“. Вотъ драгоценное свойство слушателей автора! Не скроемъ, впрочемъ, того, что насъ, какъ, думаемъ, и всякаго читателя проповѣдой о. Надеждинскаго, нѣсколько удивляетъ его подозрительность въ отношеніи къ своимъ слушателямъ, которую онъ обнаруживаетъ, когда удостовѣряетъ, что „подобный вопросъ у всѣхъ на умѣ“. Такъ здѣсь же онъ заявляетъ, и конечно такъ же искренно по отношенію къ самому себѣ, какъ свидѣтельствовалъ о сейчасъ приведенномъ фактѣ, что—„соображая то, что всѣмъ вамъ (т. е. слушателямъ) болѣе или менѣе извѣстенъ путь ко спасенію, указуемый Св. Церковію, и слыша при семъ (*опять повторяетъ*), а при томъ постоянно, вопросъ: какъ намъ спастись, *невольно думается*, что такой видъ вопросъ имѣетъ своимъ источникомъ не искренное ваше желаніе, а одно лишь простое любопытство, соединенное съ желаніемъ открыть легчайшій способъ достиженія вѣчной жизни“ (стр. 398). Къ чему такое недовѣріе и въ столь важномъ дѣлѣ, въ которомъ, кажется, нужно идти на встрѣчу всякому желанію, а не сомнѣваться въ желаніи уже заявленномъ?

Итакъ—наше село вѣруеть, молится и — желаетъ спастись, и это—по удостовѣренію самаго достовѣрнаго сви-

дѣтеля, каковымъ только и можетъ быть названъ сельскій пастырь. Но можетъ быть вслѣдствіе этого становится спорнымъ и то самое, что мы принимаемъ за исходную точку вопроса о сельской проповѣди, то есть, что нашему селу дѣйствительно нужна проповѣдь? А если окажется, что безусловно пужна, то каковы же будутъ, въ самомъ дѣлѣ, задачи ея, и, стало быть, каковы должны быть требованія отъ нея?—На всѣ эти вопросы даетъ намъ хорошіе отвѣты опять самъ же о. Надеждинскій.

Спастись желаютъ и въ селѣ, но въ селѣ же жалуются и на трудность спасенія. „Нѣкоторые говорятъ, что путь спасенія есть трудный и непосильный для человѣка путь“. Проповѣдникъ замѣчаетъ: правда, путь трудный, но не правда, чтобы это былъ путь непосильный (стр. 599). Поэтому проповѣдникъ считаетъ себя въ правѣ говорить и такъ: „при помощи Божіей, трудитесь на попріицѣ своего спасенія. И горе, горе тѣмъ, которые пренебрегаютъ дѣломъ своего спасенія“ (стр. 607). Но эти жалобы на трудность спасенія можетъ быть есть только предлогъ, прикрывающій нерадѣніе о спасеніи? Въ той же проповѣди, въ которой, какъ мы сейчасъ видѣли, проповѣдникъ въ вопросахъ слушателей о спасеніи подозрѣваетъ исканіе спасенія безъ труда, онъ самъ даетъ намъ, хотя колеблясь и нѣсколько разъ мѣняя точку зрѣнія на дѣло, указаніе и на то, что отысканіе пути ко спасенію и слѣдованіе по нему не есть дѣло для сельскаго жителя не требующее посторонняго указанія и руководства. Проповѣдникъ, нѣсколько властительно, спрашиваетъ: „неужели при существованіи святой церкви съ благодатнодѣйственными таинствами, при неумолкаемомъ голосѣ пастырей церковныхъ, поучающемъ, какъ подобаетъ въ дому Божіемъ жити, при видѣ образовъ доброй жизни въ жизни святыхъ, *вопрошающіе еще не знаютъ истиннаго пути къ спасенію?* Неужели эти люди глухи къ слышанію голосовъ, такъ громко проповѣдающихъ о спасеніи, и слѣпы къ видѣнію образовъ жизни святыхъ“? Сознаемся, что мы принимаемъ сторону этихъ вопрошающихъ, и будемъ утверждать, что они не глухи и не слѣпы, но тѣмъ не менѣе вопросы ихъ о спасеніи не праздные вопросы, и будемъ, въ этомъ защитничествѣ, опираться на слова самого же проповѣдника,— слова, изъ которыхъ (сей-

часть приведенныхъ) каждое почти даетъ указаніе на то, почему съ такими прещеніями къ ищущимъ спасенія обращаться было нельзя. Такъ и онъ, проповѣдникъ, признаетъ, что „въ числѣ вопрошающихъ о путяхъ спасенія есть нѣкоторые и такіе люди, у которыхъ вопросъ этотъ происходитъ изъ глубины жаждущаго спасенія сердца. Такихъ людей вопросъ: какъ намъ снастись, похвалень. По опыту бесѣды съ такими людьми показываетъ, что этихъ людей побуждаетъ къ сему вопросу не столько незнаніе пути спасенія, сколько *неумѣніе воспользоваться своимъ знаніемъ*“ (стр. 398). Итакъ, есть такіе, которыхъ и самъ проповѣдникъ почитаетъ нуждающимися въ помощи. Мы же думаемъ еще болѣе: что въ помощи равно нуждаются все, и это-то твердо обосновываетъ сельскую проповѣдь, какъ дѣло совершенно необходимое, а ся задачу самъ же проповѣдникъ въ одномъ мѣстѣ, хотя не всесторонне, но справедливо намѣтилъ такъ: „ободрить тружениковъ спасенія и хотя мало расположить не радивыхъ ко внимательно-дѣятельному слыханію призывнаго голоса церкви“ (стр. 582).

Въ самомъ дѣлѣ, удивительно ли въ сельскомъ жителѣ неумѣнью воспользоваться своимъ знаніемъ, какъ выражается проповѣдникъ, пути ко спасенію? Неудивительно, и не только въ томъ жителѣ, котораго, какъ мы сейчасъ видѣли, проповѣдникъ одобряетъ, но и въ томъ, котораго не одобряетъ но подозрѣнію въ исканіи легкаго пути ко спасенію. Почтенный пастырь въ одномъ мѣстѣ ссылается на то, что онъ читалъ съ своими прихожанами житія святыхъ (стр. 237), изъ которыхъ, по его мнѣнію, слушатели и могли бы сами извлекать для себя уроки жизни. Дѣйствительно, это—хорошее вспомогательное средство для руководствованія по пути спасенія. Но достаточно ли одного указанія на этотъ путь? Проповѣдникъ говорить: „по этому пути прошелъ великій сонмъ праведниковъ, вкушающій теперь плоды отъ своихъ трудовъ: значить, и для насъ этотъ путь *возможенъ*. значить и мы можемъ идти по нему за своими предшественниками“ (стр. 599). Справедливо. Но не признаетъ ли проповѣдникъ и того, что при сознаніи возможности идти по этому пути, часто и часто требуется еще знаніе того, *какъ* пойдти по этому пути? Возьмемъ примѣры, даваемые самимъ проповѣдникомъ.

Изясняя Евангеліе въ подѣлю мясосушную проповѣдникъ говорить: въ нынѣшнемъ Евангеліи излагается „заповѣдь Христа о томъ, чтобы мы не заботились о собираніи сокровищъ земныхъ, а все стараніе свое прилагали бы къ снисканію сокровищъ небесныхъ. И прилично ли намъ, вступающимъ въ подвиги поста, занимать свои мысли заботами о собираніи сокровищъ тлѣнныхъ? Эти заботы не только не дадутъ намъ времени для совершенія поста и молитвы, для раскаянія во грѣхахъ; но еще увеличатъ нашу отвѣтственность предъ Богомъ: тогда мы окажемся любящими болѣе міръ, чѣмъ Бога... Оставимъ же всё суетныя заботы свои и постараемся свои подвиги поста и молитвы украсить дѣлами милосердія“ и проч. (стр. 594). Мы позволяли бы себѣ спросить проповѣдника: признаетъ ли онъ, сколько этой простой—и часто повторяемой въ проповѣдяхъ—истиной создается важныхъ вопросовъ—не для насъ съ проповѣдникомъ: мы ихъ легко рѣшимъ, — а для сельскаго слушателя? Представимъ себѣ: слышитъ это старуха, собирающаяся вступить въ подвиги поста, да она уже и вступила въ него всегдашнимъ, вольнымъ и невольнымъ постничествомъ; но она—собирала и собрала себѣ по грошамъ десять рублей для сына солдата, и бережетъ свое сокровище—чая можетъ быть и увеличить его еще и еще: чтò она должна чувствовать, когда ей говорятъ, что забота ея „увеличиваетъ ея отвѣтственность предъ Богомъ?“ — а она чувствуетъ и безъ того свою отвѣтственность! Что дѣлать и крестьянину, у котораго вѣчно суетныя заботы на умѣ, а дѣлъ милосердія онъ совершить не можетъ: самъ голодень! И вотъ при такомъ положеніи дѣла проповѣдникъ долженъ признать несотвратимымъ возникновеніе вопроса, важнаго для слушателей: „намъ кажется невозможнымъ идти по указуемому пути, но мы желаемъ идти: научите, какъ же быть?“ Говоримъ это, конечно, не къ тому, чтобы рекомендовать автора создающимъ *только* этическія затрудненія для своихъ слушателей, хотя, какъ увидимъ потомъ, дѣло и не безъ того. Нѣтъ, въ другомъ мѣстѣ самъ онъ даетъ прекрасный отвѣтъ на подобные вопросы, и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ образецъ того, какъ сельская проповѣдь можетъ самая повидимому не примѣнимая къ сельскому быту правственныя требованія вводить въ уровень сельскихъ

понятій и чрезъ то приводить къ возможности исполненія ихъ. Говоря почти о томъ же, т. е. о собираніи сокровищъ, которое при извѣстныхъ условіяхъ можетъ быть и „богатѣніемъ въ Бога“, авторъ призываетъ къ подражанію „жизни людей богатѣющихъ въ Бога“, и говоритъ: „не думайте, что подобная жизнь не по силамъ вамъ, обладающимъ самыми убогими средствами къ жизни. Богъ никогда не требуетъ отъ насъ жертвы, превышающей наши средства. Онъ прямо говоритъ, что и тотъ не погубитъ мзды своей, кто напоитъ ближняго чашею студеной воды. Слышите! И у кого изъ насъ не останется средствъ не только къ утоленію жажды ближняго, но и алчбы его? Кто изъ насъ не въ состояніи одѣть нагого, призрѣть страннаго, пріютить сироту безроднаго?.. *Все это и каждый изъ насъ можетъ совершить не обременяя своего состоянія*“ (стр. 366). По тѣмъ не менѣе этого нельзя не сказать при разсмотрѣніи труда автора, и мы говоримъ именно въ указаніе того, какъ часто еще важнѣе знанія необходимости совершать то или другое дѣло бываетъ нужда знанія того, *какъ* „каждый можетъ совершить его“. Еще примѣры: проповѣдникъ разсуждаетъ о „словѣ Христа о трудности совершенія дѣла спасенія для богатыхъ“ (стр. 235 -6). Пусть для совѣтъ не богатыхъ (ср. выше) слушателей автора вопросъ о спасеніи богатыхъ имѣетъ только теоретическій интересъ. Но въ проповѣдническомъ ученіи автора и этотъ вопросъ теоретическаго интереса поставленъ такъ, что создаются, въ качествѣ слѣдствія, нѣкоторые другіе, частнѣйшіе вопросы, указаніе рѣшенія которыхъ едва ли должно будетъ признать не важнымъ дѣломъ даже и для его слушателей. Въ объясненіе трудности спасенія богатаго онъ говоритъ: „богатство само по себѣ увеличиваетъ заботы человѣка“, и тѣмъ „доводитъ человѣка до такой суеты, что онъ не знаетъ себѣ покоя. *Въ домѣ богатаго непрерывно идетъ работа и окончаніе одной невольно возбуждаетъ начало другой, еще болѣе спѣшной и важной работы.* И такъ продолжается въ домѣ богатаго дѣло изъ дня въ день, изъ года въ годъ. При этомъ со стороны хозяина требуется и опытное умѣнье распорядиться рабочею силою и бдительный надзоръ, дабы работа была прибыточна для хозяйства. И такимъ образомъ богатый человѣкъ постоянно бываетъ погруженъ въ глубо-

кій омутъ житейской суеты, и ему нѣтъ времени ни для думъ о душѣ, ни для глубокихъ размышлений о религіи“. Отсюда-то, по мнѣнію проповѣдника, и трудность спасенія богатаго. Но то самое, что составляетъ трудность спасенія богатаго—постоянный переходъ отъ одной работы къ другой, не составляетъ ли хода обычной жизни крестьянина и даже всякаго человѣка, снѣскивающего себѣ способы существованія трудомъ? А отсюда — что же дѣлать сельскому люду у котораго эта „суэта“ есть какъ бы законъ жизни, — которому для глубокихъ размышлений о религіи по видимому нѣтъ времени, и который благодаритъ Создателя и за то, если его сподобилъ Господь исполнить разъ въ годъ свой христіанскій долгъ и приобщиться Святыхъ Таинъ? Нѣтъ, нечего удивляться, если въ дѣлѣ совершенія спасенія и не глухіе люди могутъ оказаться какъ бы глухими даже при заботливомъ руководствованіи пастырей, и оправданіе этого—въ словахъ только что приведенныхъ!

Возьмемъ, наконецъ, и още примѣръ, показывающій, какъ и въ самыхъ, повидимому, всѣмъ и совершенно понятныхъ вещахъ являются стороны, заставляющія повторять тотъ же вопросъ: какъ же спастись? Кому неизвѣстна эта молитва въ тяжкія минуты жизни и эта свѣча на трудовую копѣйку, для которой и съ которой простой человѣкъ спѣшитъ въ свой храмъ, часто убогій, по который для него лучше лучшаго храма, вышедшаго изъ головы перваго въ мірѣ зодчаго? Но это какъ оказывается—путь требующій вдумчивости, на которую у простаго человѣка можетъ не оказаться духовныхъ силъ. Авторъ говоритъ: „человѣкъ большинства (*а какъ скоро тѣтъ идетъ о большинствѣ, то дѣло становится еще важнѣе*), пораженный какою либо тяжкою нуждою, правда, спѣшитъ въ храмъ Божій, ставитъ здѣсь предъ иконою свѣчу и даже служитъ молебень какому нибудь угодинку, но затѣмъ—совершенно забываетъ о Богѣ: онъ уже болѣе не молится, въ тугѣ души своей, думая, вѣроятно, что онъ все исполнилъ, почему не заботясь ни о чемъ, ждетъ милости Господней. Но достоинъ ли онъ этой милости по своей жизни, по нравственному состоянію своей души? Вѣдь и свѣча, и молебень тогда только могутъ имѣть значеніе предъ Величествомъ Господнимъ, когда оныя будутъ ни чѣмъ другимъ, какъ выраже-

нѣмъ добраго, искренняго расположенія человѣка къ любви Божіей, совершенной его преданности волѣ Божіей, его постоянства въ терпѣніи, и наконецъ его твердости въ вѣрѣ. *А безъ сего—и молитва есть ничто иное, какъ простой звукъ словъ, и свѣча—просто какъ освѣтительный матеріалъ*“ (стр. 196—7). На нашъ взглядъ послѣднія слова есть нѣкоторая жестокость къ простому человѣку и предрѣшеніе не рѣшеннаго: ибо объявляется, что свѣча можетъ быть только освѣтительнымъ матеріаломъ, а развѣ мы знаемъ, какъ Господь воззрѣтъ на эту свѣчу, часто не только отъ трудовъ праведныхъ, но и тяжкихъ? Но главное: конечно, трудно, будетъ слушателю проповѣдника возразить что-либо противъ того, что часто и часто мы забываемъ о Богѣ, и, наоборотъ, не часто можемъ найти въ себѣ совершенную преданность волѣ Божіей, и постоянство въ терпѣніи, и твердость въ вѣрѣ: все это къ сожалѣнію такъ. Но является неумолимый вопросъ: что же однако намъ дѣлать при тяжелой нуждѣ, когда насъ увѣряютъ, что поспѣвая во храмъ Божій въ надеждѣ на милость Божию, мы должны такъ сказать нести съ собою еще и мысль о возможной тщетности этой надежды,—не забывать, что свѣча можетъ оказаться лишь освѣтительнымъ матеріаломъ? И если такой вопросъ можетъ создать затрудненія для мысли и чувства болѣе развитаго человѣка: то что мы должны будемъ думать о простомъ крестьянинѣ или другомъ сельскомъ обывателѣ?

Такимъ образомъ, самъ почтенный проповѣдникъ показываетъ намъ, что для сельскаго люда могутъ возникать спеціальныя вопросы въ области нравственнаго ученія, а потому мы увидимъ, что тоже самое должно будетъ признать и по отношенію къ теоретическому ученію, то есть, окажется необходимость своего рода сельскаго богословія, и, повторяемъ, невозможно ни отстранить, ни предупредить возникновенія подобныхъ спеціальныхъ вопросовъ. Множество людей слышало: „всегда радуйтесь о Господѣ“,—о чемъ и самъ проповѣдникъ говоритъ въ своихъ проповѣдяхъ (стр. 640). Но какъ радоваться среди постоянныхъ скорбей? Кто безъ затрудненій дастъ такой отвѣтъ на послѣдній вопросъ, чтобы сельскій человѣкъ не увидѣлъ здѣсь заповѣди не исполнимой? И потому-то даже Златоустъ счи-

та.ль дѣломъ весьма важнымъ дать такой отвѣтъ на этотъ вопросъ, чтобы требованіе апостола о всегдашнемъ радovaniи было удобоисполнимо для всякаго человѣка, при всякомъ обстоятельствѣ. Тоже — о заповѣди непрестанно молиться. Тоже о такъ называемой суетѣ міра. Проповѣдникъ, папиримѣръ (стр. 642—43), учитъ, что „истинные сыны церкви не должны наполнять свою душу *какими нибудь заботами* и суетными желаніями“, а должны „замѣнить все свои суетныя заботы одними лишь попеченіями о томъ, чтобы сдѣлать себя чадами, достойными милости Божіей“. Прекрасно. Но гдѣ вы найдете село безъ заботъ и какъ вы разграничите суетныя заботы отъ не суетныхъ, иначе — какъ укажете возможность совмѣстить жизнь правую съ обыденной дѣятельностью человѣка? И что такое „страсть заботъ“ (стр. 318), которую обличаетъ проповѣдникъ? А какъ понимаетъ село наше заповѣди о томъ, что „желающіе достигнуть совершенства, должны оставить и домъ свой и братьевъ, и сестеръ, и отца съ матерью“ и всякую собственность (стр. 135). --объ этомъ вѣроятно трудно и составить себѣ понятіе, отвѣчающее дѣйствительности. Должны ли отвѣчать сельская проповѣдь на подобные вопросы? Непремѣнно должна, если проповѣдникъ хочетъ, чтобы ученіе его не считалось проповѣдуемымъ „не для насъ“, а для людей какой-то *высшей породы*, чтобы Евангеліе, благовѣствуемое проповѣдникомъ, было на самомъ дѣлѣ благовѣстіемъ для всѣхъ, а не для избранныхъ только, которые могутъ оставить и мать, и жену, и дѣтей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ самъ же о. Надеждинскій это возбужденіе ожиданія услышать съ кафедры рѣшеніе вопросовъ высочайшей важности доводить, такъ сказать, до высочайшаго напряженія, а потому ясно становится сколь естественно, и сколь должно быть желательнымъ, чтобы съ его же кафедры даваемы были и отвѣты не только возбуждающіе, но и примиряющіе возбужденный интересъ съ усталовившимся положеніемъ сельской жизни. Проповѣдникъ, папиримѣръ, въ объясненіе словъ Христовыхъ: „ищите прежде царствія Божія и правды его“, говоритъ: „все, кто желаетъ себѣ спасенія, должны непремѣнно искать этого Царства Божія, и отречься ветхаго человѣка всецѣло стараться о приобрѣтеніи христіанскихъ добродѣтелей“, а затѣмъ общаетъ

слушателямъ: „повѣрьте, что когда вы погрузитесь (!) въ искательство царства Божіа и правды его, тогда и міръ мало-по малу освободится отъ тѣхъ бѣдствій, подъ тяготою которыхъ онъ стонетъ нынѣ. Уменьшатся тогда губительныя повѣтріа и моровыя язвы; утихнется злоба мірская и сократятся крамолы, убійства, пожары и прочее... не будетъ между нами видпо крайняго убожества, не слышно будетъ стоновъ безпомощности“ (стр. 156—7). Не правда ли, что каедра сельская обязуется удовлетворить возникающіе отсюда нравственные вопросы, изъ которыхъ первый есть: какъ *намъ* достигнуть этого Царствія? Ибо, какъ *У*праведливо замѣтилъ проповѣдникъ, кто же въ самомъ дѣлѣ не желаетъ себѣ спасенія, а если даже кто не пожелаетъ сего, то кто не пожелаетъ, по крайней мѣрѣ, уменьшенія губительныхъ повѣтрій, моровыхъ язвъ и т. п. и это тѣмъ болѣе, что проповѣдникъ устраняетъ ссылки людей малодушныхъ на недостижимость царствія Божіа по множеству грѣховъ нашихъ: „всю виновность въ своихъ грѣхахъ люди стараются возложить на міръ, въ которомъ они живутъ, совершенно забывая то, что все состоитъ въ волѣ самаго человѣка“ (стр. 565). Стало быть и достиженіе или недостиженіе царства Божіа — тоже во власти человѣка, если уже міръ не можетъ воспрепятствовать человѣку не грѣшнить: не высоко-ли интересный возбуждается вопросъ?

Отсюда, на нашъ взглядъ, совершенно не оспоримо, что задачей сельской проповѣди будетъ: доводя слушателей до сознанія, что спасеніе возможно для всѣхъ, приспособлять всеобщія теоретическія и практическія требованія христіанства до возможности проникновенія ими своего ума и до осуществленія ихъ на дѣлѣ—*примыительно къ условіямъ именно сельскаго бытіа*, выработывать изъ существующаго бытіа такіа условія, чтобы они оказались и признавались не препятствующими спасенію; если для спасенія „требуются со стороны человѣка усиленные труды“, „подвиги добра и благочестія“: то—*показать, какъ труды эти и въ сельскомъ бытіу приложимы*, какъ подвиги возможны, и когда труды не окажутся безплодными для спасенія. Предъявляется какое нибудь общее отъ всѣхъ христіанъ требованіе, напримѣръ, молитвы; но задача сельской проповѣди—не то преимущественно показывать, какъ часто молитва бываетъ

безплодна, потому что „люди пролепетавъ свои молитвы къ Богу, и притомъ безъ всякаго вниманія, думаютъ, что тѣмъ исполнили все“ (стр. 283) — указаніемъ этого мало что достигается: а то будетъ ся задачей, чтобы показать, что и неумѣніе молиться можетъ совершенно превратиться въ умѣніе безъ того, какъ непремѣннаго условія, чтобы крестьянинъ пересталъ быть крестьяниномъ, пахарь—пахаремъ. Это, вѣроятно, будетъ нелегкій трудъ, трудность котораго нельзя побѣдить такими совѣтами, привычными для ученыхъ богослововъ: „что стоило бы этимъ людямъ взглянуть на достойнаго примѣръ жены язычницы и поучиться у нея“ и проч. (стр. 284); но это не будетъ и трудъ неодолимый. Что должно быть положено въ основѣ этого труда? Не обвиняясь скажемъ: та, непремѣнно должна ствующая быть выработанной, „сельская этика“, послѣдней основой которой, въ свою очередь, должно быть „сельское богословіе“. Это конечно—не какая нибудь пониженная въ своихъ требованіяхъ этика, и не какое нибудь новое богословіе. Это будетъ, такъ сказать, этика христіанской дѣятельности, въ основѣ которой, въ свою очередь—какъ мы имѣли случай высказаться, впрочемъ, не отъ себя, въ другомъ мѣстѣ—должно быть положено признаніе возможности разныхъ путей спасенія, и въ томъ числѣ пути сельской жизни, очищеннаго лишь отъ сорныхъ травъ, портящихъ этотъ чистый самъ по себѣ путь. Эта этика должна исключать необходимость проповѣди въ голодающихъ мѣстностяхъ — о страсти чревоугодія и о благотворности поста, — исключать возможность постоянного повторенія той ошибки, чтобы люду, вѣчно несущему тяжкіе труды, проповѣдывать о вредѣ многихъ заботъ, называемыхъ суетою. Скорѣе (въ данныхъ случаяхъ) здѣсь нужна, потому что будетъ правдивенно полезна, проповѣдь о томъ, что—трудящійся да не стыдится ѣсть, или изможденная и кормящая — питаться: здѣсь не будетъ чревоугодія;—проповѣдь о томъ, что вѣчно до поту трудящемуся не помѣшаетъ спастись его трудъ, и онъ, изъ за своего труда только, не долженъ бояться осуетиться, и не долженъ завидовать тѣмъ, кто можетъ избѣгнуть этой мнимой суеты. Точно также и сельское богословіе: это—богословіе, которое должно исходить изъ положенія: „всѣмъ все знать въ христіанствѣ не возможно, да

и не нужно“ (Никапурь), „особливо людямъ простымъ и многодѣльнымъ“: имъ, слѣдовательно, достаточно знать лишь нѣчто, „безъ знанія чего спастись не возможно“. Это признаетъ и нашъ проповѣдникъ, когда говоритъ, что „лучше будетъ, если мы не будемъ заниматься такими вопросами, рѣшеніе которыхъ совершенно бесплодно для нашей души, и питаетъ только нашу любознательность“ (стр. 87), и это совершенно справедливо, а потому должно быть признано однимъ изъ основныхъ пунктовъ теоріи всякой проповѣди, и особенно проповѣди къ хлѣбопашцамъ.

Теперь—удовлетворяютъ ли проповѣди о. Надеждинскаго безспорнымъ задачамъ сельской проповѣди? Кажется, излишне говорить, что когда проповѣди назначаются для села, какъ это мы видимъ здѣсь, то конечно такія проповѣди пусть достигаютъ, если то окажется возможнымъ, большаго количества задачъ; но примаго своего назначенія онѣ ни въ какомъ случаѣ миповать не должны. Перваго можно только желать, втораго же —справедливо требовать.

Предъ нами—огромный трудъ, почти въ семь сотъ страницъ. Много нужно искренней преданности пастырскому долгу, чтобы исполнить этотъ трудъ. Внимательность почтеннаго пастыря заслуживаетъ всякаго уваженія: справедливо признавая, что задача бесѣдователя въ положеніи сельскаго священника при истолкованіи воскресныхъ и праздничныхъ чтеній будетъ иная, чѣмъ научное истолкованіе этихъ чтеній, авторъ не только взялъ на себя обычную гомилетическую задачу, но даже задачу изясненія и „тѣхъ вопросовъ, какіе—говоритъ авторъ въ предисловіи—мнѣ приходилось слышать отъ монаховъ приходящихъ по поводу того или другаго апостольскаго и евангельскаго чтенія“. Внимательность проповѣдника въ отношеніи къ дѣлу учительства свидѣлствуется также и тѣмъ, что проповѣдникъ для надобностей своего проповѣдничества обращался ко многимъ сочиненіямъ по богословію, записывалъ, повидимому, все что ему случалось вычитывать и въ изданіяхъ не богословскихъ, но казалось годнымъ для цѣлей учительства, — вообще—видно, что мысль его серьезно и постоянно, а не случайно сосредоточена бываетъ на дѣлѣ учительства. Можно только пожалѣть, что авторъ не даетъ прямого отвѣта на одинъ вопросъ, обыкновенно и не безъ основа-

нiя поставляемый критиками: это имонно—при чтенiи книги его нельзя составить себѣ понятiя о томъ, такъ ли бесѣды были произносимы, какъ онѣ напечатаны, или предъ печатанiемъ онѣ подвергались какой нибудь переработкѣ, что не безразлично для сужденiя объ авторѣ. Съ одной стороны представляется, что печатный текстъ ихъ есть только воспроизведенiе дѣйствительно произнесенныхъ въ храмѣ рѣчей, но съ другой—встрѣчаются и знаки того, что это—бесѣды уже переработанныя въ качествѣ предназначенныхъ для печати, слѣдовательно для читателя. Такъ свидѣтельствомъ о томъ, что „бесѣды“ представляютъ собою только запись живой рѣчи, является обращенiю къ слушателямъ какъ къ присутствующимъ: „говорю“, „мы выслушали теперь“ (стр. 203. 669) и др., а также ссылки на свои бесѣды предъидущiя, наприм. „мы уже говорили съ вами“ (стр. 605); „нынѣшнее Евангелiе, какъ слышали вы“ (стр. 635); „о содержанiи сего Евангелiя, я въ свое время довольно бесѣдовалъ съ вами“ (стр. 625) и т. п. Но въ то же время кажется, что нѣкоторыя бесѣды какъ будто уже были переработаны и слѣдовательно являются не буквально сходными съ тѣмъ, какъ они были произнесены, и что вообще—бесѣды какъ онѣ напечатаны есть уже литературное произведенiе, произведенiе богословской письменности—только въ формѣ церковныхъ себесѣдованiй. Сюда мы относимъ: совѣтъ автора слушателямъ такого рода: „кто желаетъ обстоятельнѣе узнать содержанiе сего Евангелiя, пусть прочтетъ нашу бесѣду, сказанную нами въ означенную недѣлю, —а теперь не повторяя сказаннаго“ и проч. (стр. 609): то есть, является уже явственный расчетъ на *читателя*, и слѣдовательно указанiе на то, что слово получило послѣ произнесенiя какую-то переработку. Ибо не говорилъ же, вѣдь, отецъ-проповѣдникъ этого съ кафедры: иначе пришлось бы признать, что на кафедрѣ, въ моментъ произнесенiя, онъ уже рассчитывалъ на то, что его слушатели не только будутъ слушать его, но еще *купить и его будущую книгу*: этого же мы не допускаемъ, не почитая себя въ правѣ приписывать автору совѣзмъ не проповѣднической наивности! Тотъ же расчетъ на читателя видѣнъ въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ бесѣдъ, напримѣръ—ссылки на свои собственныя бесѣды

(стр. 635, 369, 235, см. бесѣду такую-то, и мн. др.), на свое сочиненіе (307), на журналы и газеты (стр. 394 и др.). Тѣмъ не менѣе мы убѣждены, что разность между тѣмъ, что было предложено о. Надеждинскимъ его дѣйствительнымъ слушателямъ, и между тѣмъ, что имѣемъ теперь въ его бесѣдахъ мы—читатели, не окажется значительной: все существенное, очевидно, сохранено и воспроизведено для печати, и въ книгѣ „бесѣды“, мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ дѣйствительною сельскою проповѣдью, въ смыслѣ дѣйствительности сказыванія этихъ проповѣдей въ одномъ изъ сель нашихъ отечества. Въ виду этого нельзя не одобрить усвоеннаго проповѣдникомъ приѣма, примѣняемаго рѣшительно во всякой бесѣдѣ: это—предложеніе слушателямъ, въ самомъ началѣ бесѣды, русскаго перевода дневнаго чтенія Апостола и Евангелія. Ибо—безполезно скрывать отъ себя то обстоятельство, что славянскій текстъ для сельскихъ слушателей не всегда вразумителенъ. Это, конечно, не значить того, что какъ скоро славянскій текстъ будетъ прочитанъ на русскомъ нарѣчій, то вопросъ о понятности самъ собою рѣшится: много требуется и будетъ требоваться труда для того, чтобы событія, лица, мѣста Св. Писанія дошли до пониманія простаго человѣка даже и тогда, когда онъ услышитъ русскій текстъ. Но всетаки, если хотя однимъ затрудненіемъ будетъ менѣе, и то благо. Думаемъ только, что обычная фраза автора при этомъ: „по-русски читается“, „прочтемъ по-русски“, могла бы быть безъ ущерба для пользы дѣла оставляема: выходить—какъ будто бы уже диаконъ читаетъ Евангеліе совсѣмъ „не по-русски!“ Это можетъ производить не совсѣмъ благоприятное впечатлѣніе въ мѣстности раскольниковъ, у которыхъ, какъ извѣстно, не признается различіе: по-русски и не-по-русски, и признается только различіе: по церковному, и не-поцерковному. Къ числу приѣмовъ, признаніе годности которыхъ мы не можемъ раздѣлять, мы относимъ встрѣчающіяся по мѣстамъ ссылки проповѣдника на самого себя и отказъ его, заявленый слушателямъ, повторитъ сказанное прежде. Это совершенно неправильный приѣмъ, ничѣмъ не оправдываемый, кромѣ развѣ интересовъ чисто литературныхъ—требованія своего рода симметріи. Повтореніе встрѣчать неприятно и оно бесполезно только въ книгѣ,

а не въ живой проповѣди. Что пужды, что слушатель лишній разъ услышитъ одно и то же? И Златоустъ вѣдь не только повторялъ, но считалъ себя и обязаннымъ повторять! Между тѣмъ у автора въ этомъ отношеніи встрѣчаются такія рѣчи: „содержаніе сего апостола вамъ уже извѣстно изъ двадцать первой бесѣды, предложенной вамъ въ день Св. Духа, и мы не будемъ повторять сказаннаго“ (стр. 358). „Содержаніе этой притчи я изложилъ предъ вами въ пятидесятой бесѣдѣ, и теперь не буду повторять“ (стр. 380). „О содержаніи сего евангелія я довольно побесѣдовалъ съ вами и теперь не буду“ и проч. (625). А если на двадцать первой бесѣдѣ половины слушателей постоянной бесѣды не было? Проповѣдникъ для слушателей, а не слушатели для проповѣдника!—Но это, впрочемъ, не главное что обращаетъ на себя вниманіе читателя разсматриваемой книги. Главное это—соизмѣряются ли въ самомъ дѣлѣ потребности и силы слушателей съ предлагаемымъ имъ въ проповѣдяхъ о. Надеждинскаго ученіемъ?

Истинною сельской проповѣдью, не въ описаніяхъ, конечно, такъ называемыхъ мирныхъ сельскихъ картинъ, а съ точки зрѣнія сельскихъ нравственныхъ интересовъ и запросовъ, во множествѣ мѣстъ дѣйствительно является проповѣдь о. Надеждинскаго. Онъ старается приспособить притчу о сѣятелѣ къ понятіямъ деревенскихъ сѣятелей напоминая о сѣяніи имъ извѣстномъ (317). Напоминаетъ имъ здѣсь, чтобы они не скучали веденіемъ хозяйства. Превосходенъ также способъ аргументаціи, къ которому—хотя сравнительно очень рѣдко—обращается проповѣдникъ: къ изреченіямъ святыхъ мужей и къ даннымъ изъ ихъ жизни. Таковъ приводимый проповѣдникомъ отвѣтъ преп. Нифонта о томъ, что „мѣсто не спасаетъ человѣка и не погубляетъ“ (399). Вѣроятно, эта часть проповѣди уже во всякомъ случаѣ осталась въ умахъ сельскихъ слушателей. Ссылка проповѣдника на собственныя наблюденія въ такихъ случаяхъ, каковъ рассказанный имъ случай ложной клятвы беременной женщины (стр. 622), также нельзя не признать хорошимъ приемомъ: случай этотъ, вѣроятно, будетъ памятенъ слушателямъ. Не забываетъ проповѣдникъ и того класса сельскаго люда, къ которому почти вышло изъ обычая обращаться въ проповѣди: сельскихъ жепницъ

(стр. 34). Даже и такой специальный вопросъ, впрочемъ не рѣдко затрогиваемый въ русскихъ проповѣдахъ, какъ вопросъ о современномъ положеніи пастыря и апологии пастырской жизни, на нашъ взглядъ, у проповѣдника поставленъ лучше, чѣмъ это иногда случается. Проповѣдникъ не доказываетъ такъ назыв. „необходимости обезпеченія“ священниковъ разными необходимостями современнаго пастырскаго быта: развѣ можно быть, въ самомъ дѣлѣ, увѣреннымъ, что крестьянинъ пойметъ, почему священнику нужны средства, чтобы вести въ городъ для воспитанія сына или дочь, быть прилично и сообразно особенностямъ своего положенія одѣтымъ, тѣмъ паче купить книжку, и въ душѣ согласится развѣ съ обычными въ этомъ случаѣ аргументами? Поэтому-то, вѣроятно, проповѣдникъ и обращается къ дѣлу съ другой стороны, несомнѣнно крестьянину болѣе понятной: онъ не стѣсняется говорить, что „пасомые, изнуривъ для исправленія своихъ духовныхъ нуждъ силы своего пастыря“ должны считать „своею *обязанностію* *поблагодарить* его за трудъ“ (стр. 93). Это—совершенно понятно не просвѣщенному крестьянскому разуму, не могущему примириться съ отрицаніемъ гдѣ бы то ни было той простѣйшей истины, что вознагражденію за трудъ есть дѣло нигдѣ, никогда, ни для кого неззорное. „Вѣдь мыщѣ и дитя знаетъ— говорить проповѣдникъ при другомъ случаѣ, что трудящійся непремѣнно долженъ ѣсть и пить, иначе онъ ослабнетъ въ своихъ силахъ, — что убивающій свои силы на пользу ближняго, отъ сего послѣдняго долженъ имѣть себѣ и насущный хлѣбъ... Что же—неужели одни пастыри церкви не могутъ имѣть сего права, тѣ пастыри, вромѣ, трудъ и вся жизнь которыхъ всѣцѣло принадлежать ихъ пасомымъ?“ (стр. 221). И проповѣдникъ справедливо дѣлаетъ, что не вступаетъ въ препирательство противъ того аргумента касательно вознагражденія священниковъ, что „пастыри обязаны сдѣлать для насъ то и то *по своему сану*“ (стр. 93): это, дѣйствительно, не крестьянскій аргументъ, ибо истый крестьянинъ такъ же совѣстится, въ большинствѣ, конечно, случаевъ и не безъ исключеній, не вознаграждать трудъ священника, какъ совѣстится взять чужое.—Вопросъ о положеніи сельскаго пастыря, вообще, затрогивается проповѣдникомъ и въ другихъ мѣстахъ (на-

примѣръ стр. 444). Можетъ казаться, конечно, что это не есть предметъ общенароднаго ученія. Но, становясь въ этомъ случаѣ на сторону автора, мы замѣтимъ, что приходское духовенство имѣетъ не очень мало враговъ, и была бы небольшая бѣда, если бы вражда эта простиралась къ духовенству какъ сословію; но будетъ не весьма хорошо, если русское крестьянство проникнется или лжекультурными или лжеаскетическими взглядами на самое служеніе русскаго пастырства. Этого теперь пока нѣтъ, и это есть благо: припомнимъ опять событія прошлаго года, когда не возникло много зла благодаря только не истребленному въ народѣ уваженію къ личности и служенію приходскаго священства.

Но за тѣмъ мы должны сказать, что въ проповѣдяхъ о. Надеждинскаго не мало и такихъ сторонъ, которыя дѣлаютъ его проповѣди не всегда истинно сельскими проповѣдями, а только лишь назначаемыми быть таковыми.— Въ самомъ дѣлѣ, нравственное ученіе, предлагаемое въ его проповѣдяхъ, всегда ли составляетъ собою отвѣтъ на потребности сельскаго люда? Богословіе его проповѣдей— всегда ли есть богословіе нужное и доступное для атихъ многодѣльныхъ земледѣльцевъ? Тотъ же вопросъ мы поставимъ потомъ и въ отношеніи къ языку и вообще внѣшности проповѣдей о. Надеждинскаго.

Здѣсь, сравнивая обложку книги проповѣдей съ содержаніемъ книги, читатель, кажется, долженъ быть пораженъ прежде всего—встрѣчей съ тѣми, съ кѣмъ онъ здѣсь и не ожидалъ встрѣтиться, съ порядочно многимъ падоѣвшимъ именами Штраусовъ и Репановъ (стр. 283—3). Ужели послѣдній или первый дошелъ и до слушателей автора, — до тѣхъ, сосѣди которыхъ въ прошломъ году истребляли „шпару“? И нужно ли для проповѣдника свидѣтельствоваться Пироговымъ? Можетъ быть, авторъ хотѣлъ оказать пѣкоторый отпоръ тѣмъ, которые, по его выраженію, „кричатъ, что настоящаго времени пастыри церкви бездѣйствуютъ, что они суть отстаые люди, неимѣющіе силъ для веденія усѣбной борьбы съ поклонниками философствующаго разума“ (стр. 92). Но въ этомъ случаѣ лично автору лучше, кажется, руководиться положеніемъ извѣстной проповѣди преосв. Никанора, именно, что христіанскій учитель

не только по обязанъ опровергать всё существующія заблужденія, но даже не обязанъ и знать ихъ. И это—тѣмъ болѣе, что самъ авторъ, какъ мы видѣли, рекомендуетъ своихъ слушателей людьми вѣрующими и при томъ когда онъ же, какъ видно, вынуждается на ряду съ приведенными именами приводить имена Лазаря, Аввакума-протопопа и подобныхъ! А если какой сельскій интеллигентъ аткарскаго уѣзда выступилъ бы предъ священникомъ со Штраусомъ, то пастыръ не уронитъ себя, если скажетъ, что—все подобное тысячу разъ уже отвергнуто и надобности опровергать еще предъ нимъ, вопрошающимъ, онъ, пастыръ, рѣшительно не видитъ: съ сельскаго священника весьма будетъ довольно, если въ этомъ онъ окажется въ возможности указать соответствующія книги. Съ другой стороны едва ли также вызывается надобностями села и проходящая чрезъ весь сборникъ тенденція проповѣдника укорить, дискредитировать, въ чемъ-то обвинить „науку“, „ученость“, „разумъ“ и т. п. Наука въ надлежащихъ рукахъ есть вещь положительно хорошая, а разумъ—свидѣтельство объ образѣ Божіемъ. Поэтому когда противъ всего этого начинаются прещенія, является вопросъ: различать ли въ селѣ, услыша все подобное съ каеодры, двѣ весьма различныя вещи: учившихся гдѣ-то какой-то наукѣ хулителей Церкви, не почитающихъ властей и родителей и проч., отъ ученія и книги, и не сочтутъ ли батюшку противникомъ того, что онъ и по священнической совѣсти защищать долженъ: ученіе книжное? И не поселится-ли этимъ недоверіе къ столь безобидной вещи, какъ деревенская школа? А въ прещеніяхъ противъ „науки и разума“ у проповѣдника нѣтъ недостатка. „Выводы какой-то науки“ (стр. 15, а на стр. 532: „какіе-то выводы науки. Здѣсь, правда, авторъ отъ какой-то науки различаетъ истинную науку, которую и одобряетъ. Равно какъ и въ другомъ мѣстѣ (стр. 369) онъ хотя и говоритъ, что „злые люди, работающіе въ пользу злаго духа, свою злую работу *всегда стараются* оправдать какими то послѣдними словами науки“, но сейчасъ же прибавляетъ, что однако „истинная наука и ея служители суть друзья Евангелія“. Справедливо, конечно. Но кто въ селѣ-то различитъ истинную науку отъ той, которой прикрываются работающіе въ пользу злаго духа? И не тверже ли всего прочаго въ

памяти слушателей останется лишь то, что съ наукой связываются „разныя вымыслы человѣческаго ума, пренеполненныя клеветою, безвѣріемъ и дикостью баснословія“ (тамъ же)? И это тѣмъ болѣе, что въ печальный примѣръ вреднаго вліянія какой-то науки тутъ же (въ подстрочномъ примѣчаніи) приводится графъ Толстой, да еще и его сочиненіе: „Чѣмъ люди живы“, къ наукѣ, сколько намъ извѣстно, никакого отношенія не имѣющее. Образцы отношеній проповѣдники къ „учености“ — слѣдующіе: „христіанство побѣдило міръ не *ученостію*, но *силою оружія*“ и проч.: „иѣтъ, оно совершенно не знакомо съ сими принадлежностями міра“ (стр. 99): стало быть остерегаться и учености? И не безъ того ли слишкомъ много мы остерегаемся ее, что не можемъ втолковать народу, что при эпидеміяхъ нужно быть опрятнымъ! На стр. 172 авторъ спрашиваетъ: „отчего, по выздоровленіи Гадаринскихъ бѣсповатыхъ, сбѣсилось стадо свиное? *Ужъ тоже не вслѣдствіе ли какихъ-либо нервныхъ болѣй?*“ — Это — лишнее: отрицателей Евангельскаго повѣствованія проповѣдникъ этимъ не убѣдитъ, а недвѣріе къ существованію нервныхъ болѣй, пожалуй, вызоветъ, а затѣмъ можетъ быть вызоветъ и такой вопросъ: не излишня ли и земская психіатрическая лечебница? На стр. 175 проповѣдникъ вопрошаетъ: „что, напримѣръ, дѣлаютъ тѣ, которые извѣстны міру подъ именемъ мудрецовъ вѣка сего“. Вопросъ этотъ ставится въ развитіе той мысли, что „въ современной жизни мы почти всюду видимъ уклоненія отъ праваго пути и даже наглое посягательство на святую истину и благотворное добро!“ Увы, посягательство на благотворное добро — принадлежность не однихъ тѣхъ, кого авторъ включаетъ въ число мудрецовъ — зри газеты, гдѣ можно обрѣсти сему весьма много внушительныхъ доказательствъ! Да и самъ проповѣдникъ на слѣдующей же страницѣ опровергаетъ это своими же словами. Стр. 184 укоряетъ „нѣкоторыхъ, именующихся даже мужами науки, изрывшихъ всѣ архивы, какъ бы для отысканія первоисточниковъ вѣры“. Стр. 220 ставитъ „науку и образованіе“ въ отягчающее обстоятельство нѣкоторымъ христіанамъ, которые оказались хуже коринфскихъ христіанъ. Эпикеты разума особенно употребительныя у проповѣдника: „буйный“ („подвергаютъ критикѣ сво-

его буйнаго ума“, стр. 83, „ухищренія буйнаго разума“, стр. 291), „кичливый (295), высокоумрствующій (304), буйства суемудраго разума (323), которому присущи суета и тщета (393), при чемъ подъ именемъ „буйства“, кажется, авторъ разумѣть просто: буянство. Но послѣ и на ряду съ прощеніями противъ науки и противъ ученыхъ (стр. 355, 443), самъ же проповѣдникъ обращается къ терминамъ науки, отчего его проповѣдь получаетъ, по крайней мѣрѣ, внѣшность ученыхъ разсужденій, а однажды — онъ объявляетъ себя даже какъ бы и покровителемъ науки. Но въ первомъ случаѣ оказывалось, вѣроятно, то, что слушатели автора—просто сказать — его не понимали. Разсуждая напримѣръ (стр. 111 — 112) о томъ, какія дѣла называются плодами Духа Святаго, проповѣдникъ между прочимъ говоритъ: „въ настоящемъ случаѣ (Ефес. V. 8—11) Апостолъ не перечисляетъ *виды* этихъ дѣлъ, но говоритъ о *родовыхъ* только добродѣтеляхъ: о благости, напримѣръ, праведности и истинѣ, подъ которыми мы должны разумѣть не другое что, какъ общія христіанскія добродѣтели: вѣру, надежду и любовь“. „Роды и виды“: какъ далеки представленія сельскія, соединенныя съ этими словами, отъ представленій нашихъ! Припомнимъ, въ самомъ дѣлѣ, что соединяетъ крестьянинъ съ представленіемъ о „родахъ“? Во *второмъ* же случаѣ—защитничество проповѣдникомъ науки, вѣроятно, было нѣсколько послѣвременшо. Нельзя ни малѣйше сомнѣваться въ справедливости того, что говоритъ авторъ (стр. 663) относительно просвѣщенія: „ученіе, въ смыслѣ просвѣщенія, *есть самое полезное дѣло* для человѣка. Возь ученія *или науки* человекъ какъ слѣпой не можетъ видѣть свѣта истины и *чуждыхъ дѣлъ спасенія*“, и авторъ предупреждаетъ даже ссылку на то, что „апостолы были не ученые люди“, ссылку невѣжественно приводимую въ защиту невѣжества человѣческаго, и вообще, здѣсь уже у автора выходитъ, что наука полезна даже для чуждыхъ дѣлъ спасенія. Мало этого, на слѣдующей (664) страницѣ авторъ выражается еще прямѣе: „Богу не противны ни ученіе, ни просвѣщеніе, ни премудрость“ и даже „благодаря сей премудрости христіанство видимо растетъ и благоукрашается славою“. Но послѣвременными мы позволяемъ себѣ назвать подобныя разсужденія потому, что

нужна невнимательность читателя или слушателя, чтобы не видѣть здѣсь невѣрности автора самому себѣ. Мы почти убѣждены, что въ слушателяхъ автора это, конечно, не возбуждало недоумѣній: въ проповѣди, да еще длинной, трудно запомнить все: помнится, вѣроятно, только общій тонъ проповѣдничества. Но— читатель иное дѣло: заставить ли его авторъ забыть, что авторъ ранѣе утверждалъ, будто христіанство „не знакомо“ съ такими „принадлежностями міра“ какъ ученость?—забыть, что „безумныя слова, направленные видомъ научности“ исходятъ отъ „крайняго невѣрія“, какъ будто бы невѣжество уже непремѣнно вѣрующее (наоборотъ, оно доставляетъ еще болѣе дикихъ и скотскихъ отрицателей, только одѣтыхъ въ одежду просвѣщенныхъ націй: здѣсь мы могли бы напомнить автору въ свое время описанное происшествіе въ одномъ изъ сель рязанской епархіи!), вообще забыть то, что мы сейчасъ выше приводили? Говоримъ это не по рецензентской склонности уловить автора на противорѣчіяхъ, а вотъ почему: нынѣ, къ счастью, русскія проповѣди читаются и людьми образованными; образованный же читатель совершенно легко можетъ замѣтить это, и потому автору надлежало бы дать не возбуждающее сомнѣній рѣшеніе: что же въ самомъ дѣлѣ — вреднымъ или полезнымъ признаетъ церковная каюдра ученость, просвѣщеніе и т. п., а ученые люди сотрудники ли церкви или же враги ея, пока еще не побѣжденные?

Хотя мы думаемъ, что лучше всего сельскую публику и не наводить бы на подобныя вопросы, но однакоже думаемъ и то, что— не въ этомъ заключаются главные данныя, по которымъ проповѣди о Надеждинскаго должны быть признаваемы или удовлетворяющими или не удовлетворяющими своему назначенію. Пусть даже слушатели проповѣдей его будутъ настроены такъ, что наука, ученость—оружіе обоюдоострое, и не желая имѣть близъ себя такого оружія, сохраняютъ лишь въ себѣ вѣру, не притязуя на ея оправданіе и отъ науки. Тѣмъ не менѣе мы вынуждаемся думать, что проповѣди автора и въ отношеніи къ нравственнымъ запросамъ его исключительно сельскихъ слушателей не всегда достигаютъ надлежащаго урорня. — Прежде всего нельзя не замѣтить въ нравственныхъ понятіяхъ, предла-

гаемыхъ проповѣдникомъ, въ которой чрезмѣрности, создающей затрудненія какъ скоро возникаетъ вопросъ о томъ, какъ исполнять эти требованія. Авторъ въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ, что теперь „почти вовсе не видать подвижниковъ ради царствія Божія; ихъ подвиги какъ бы заглушены буйными дѣлами сыновъ пагубы нынѣшняго вѣка“ (стр. 383). Но пусть слушатель желаетъ совершать подвигъ ради царствія Божія: какъ его дѣло „рисуетъ“ проповѣдникъ (пользуемся его словомъ)? Идеаль челоуѣка воспитывающаго себя для царствія Божія рисуется проповѣдникомъ такъ: „эти люди, чтобы получить милость Божію, съ любовью и искренностію пользуются дарами благодати Христовыхъ таинствъ; *они постоянно плачутъ*, желая омыть свои грѣхи и беззаконія; *они предъ всеми унижаются*, лишь бы не возродился въ нихъ духъ пагубной гордости; *они сносятъ и терпѣливо сносятъ обиды, насмѣшки и даже побои*, лишь бы не возмутить мира души своей; они плачутъ съ плачущими, радуются съ радующимися... Да, если бы мы все поступали по образцу сихъ преданныхъ слугъ Божіихъ; то Отець небесный непремѣнно возволѣ бы насъ въ свое небесное царствіе. Къ сожалѣнію церкви прибавляетъ проповѣдникъ — мы нынѣ мало видимъ людей съ подобнымъ спасающимъ челоуѣчество воспитаніемъ“ (стр. 392). Но вѣдь автору хорошо извѣстно, что — *постоянно плакать, терпѣливо быть битымъ, предъ всеми унижаться* и т. п. есть черта свойственная юродству, а юродство составляетъ особый подвигъ, для всѣхъ не возможный и не обязательный. Что же должны думать обычные слушатели проповѣдника, желающіе достигнуть царствія небеснаго, но не могущіе равнодушно выносить, когда ихъ бьютъ? Да и правъ ли будетъ самъ авторъ, — такъ какъ этимъ косвенно какъ бы лишаются надежды на спасеніе тѣ люди, которые сочтутъ непротивнымъ христіанской этикѣ — поставлять себя въ такое положеніе, чтобы не быть битыми, а на бьющихъ будутъ искать судомъ? Да и не скажетъ ли толстоуѣцъ, что это и есть то самое непротивленіе злу, осуществить которое онъ такъ добивается? Итъ, думаемъ, сельскій слушатель будетъ не въ силахъ примириться съ своимъ положеніемъ, и потому проповѣдникъ лишаетъ его возможности питать въ себѣ надежду — какъ нибудь осуществить эти тре-

бованія; рационалистъ же просто скажетъ, что если надлежитъ „постоянно плакать“, то можно оказаться въ невозможности исполнить другія стороны христіанскаго ученія: что можно сдѣлать и плачемъ тамъ, гдѣ нужно спокойно обдумать и рѣшительно дѣйствовать, чтобы помочь несчастному? А это—тоже безспорная заповѣдь христіанства.— Не осторожно для села, замѣтимъ здѣсь кстати, проповѣдникъ оставляетъ безъ надлежащаго объясненія заповѣдь Христову о вырываніи соблазняющаго глаза: это можетъ подавать поводъ къ оправданію извѣстнаго членовредительства. Авторъ правда прибавляетъ: „ночь этихъ-то *духовныхъ* калѣкъ и призываетъ Господь на Свою вечерю“ (стр. 383). Но это скачекъ: у проповѣдника ни откуда не видно, что слушатели обязаны понимать эту заповѣдь духовно, да едва ли состоятельна и та мысль, будто Господь въ притчѣ о званыхъ подѣ увѣчными, хромыми и слѣпными *разумѣть* непременно и только „духовныхъ калѣкъ“.— Точно также, когда проповѣдникъ дѣлаетъ парадфразъ на слова Господа, говоря такъ: „если кто хочетъ открыть дверь въ своемъ домѣ, иди и зови на этотъ пиръ бѣдныхъ и увѣчныхъ, хромыхъ и слѣпыхъ, несчастныхъ и горькихъ спроть, прими ихъ и угости“ (тамъ же); то проповѣдникъ долженъ бы предупредить, что Господь давая Свое наставленіе (Лук. XIV. 13) не осуждаетъ и тѣхъ, кто дружеское общеніе имѣетъ и съ равными себѣ, между которыми можетъ и не быть калѣкъ, и что заповѣдь Господа имѣетъ въ виду собственно научить не гнушаться бѣдными міра сего и что слѣдовательно должно различать: священную обязанность благотворенія и не предосудительный съ нравственной точки зрѣнія обычай людей, отъ котораго не уклоняются и люди чистые въ нравственномъ отношеніи. Припомнимъ, что самъ Господь не уклонялся отъ дружескаго общенія съ семьєю Лазаря, принимая отъ святой семьи и угощеніе. При томъ, сколько горя было бы уничтожено, если бы мы хотя только всегда, и конечно дѣятельно, памятовали о существованіи хромыхъ и слѣпыхъ, если уже для насъ такъ труденъ къ осуществленію идеаль отнесеній къ несчастнымъ, указанный Господомъ! „Смотрите— говоритъ самъ авторъ въ другомъ мѣстѣ—какая страшная толпа народу всюду стонетъ отъ нужды и при-

тѣсеній, отъ холода и наготы, неизлѣчимыхъ болѣзней и разныхъ калѣчествъ. И кто слышитъ стоны этихъ страдальцевъ?“ (стр. 176). А когда такъ, то для сельскихъ слушателей была бы полезнѣе рѣчь не о томъ, каковъ долженъ быть нашъ миръ, а просто — если бы авторъ въ своемъ словѣ раскрывалъ, напримѣръ, всю бѣдственность для жизни и противуправственность съ христіанской точки зрѣнія того страшнаго эгоизма, который теперь болѣе и болѣе заявляетъ себя въ сельскомъ быту и притомъ заявляетъ, такъ сказать, чисто сельскими способами: все это крестьянское кулачество, рабовладѣчество, хищничество, противъ котораго теперь начата борьба путемъ законовъ, но катедра церковная—нужно сознаться—здѣсь нѣсколько запоздала. Вотъ что въ самомъ дѣлѣ составляетъ предметъ давно уже заслуживающій вниманія сельскихъ проповѣдниковъ почти всего нашего отчества... Къ тѣмъ же излишествамъ въ нравственныхъ требованіяхъ, встрѣчающимся, впрочемъ, на ряду съ требованіями вполнѣ сообразными съ бытомъ и состояніемъ слушателей, можно отпusti и многое другое. Что проповѣдикъ говоритъ и противъ разговаривающихъ въ церкви, и противъ неопытнаго содержанія иконъ въ домахъ (стр. 34. 215—16), это, дѣйствительно, вызываетъ на обличеніе. Но, вѣроятно, проповѣдикъ признаетъ вмѣстѣ съ нами, что трудно согласиться съ его мыслию, будто „отъ опущенія (сельскими, конечно) воспріемниками своей обязанности—учить воспріятаго — и происходитъ то, что наши малютки прежде опытовъ молитвы, научаются разнымъ нѣссыамъ, а иногда и ругательствамъ, прежде опытовъ добродѣтели, научаются всемъ шалостямъ, доходящимъ до крайняго озорства“ (стр. 620). А родители крещеннаго? А пастыри церкви? Да и къ чему закрывать глаза—забывая то, знаютъ ли еще сами воспріемники то, чему научать должны? Какъ на излишества основанныя на искусственномъ подвышеніи нѣкоторыхъ нравственныхъ требованій, съ пониженіемъ, наоборотъ, нѣкоторыхъ другихъ, то есть, на пріемъ уже совершенно невѣрный, укажемъ на слѣдующее весьма типичное мѣсто: проповѣдикъ разсуждаетъ (стр. 589) о не осужденіи ближняго изъ-за пищи, изъясняя апостольское чтеніе въ недѣлю сыропустную. „Въ Церкви Христовой—говоритъ проповѣдикъ—много людей немощныхъ въ

вѣрѣ, потому и претыкающихся о камень соблазновъ. Въ особенностяхъ (*такъ ли?*) соблазняетъ этихъ людей пища, употребляемая тѣмъ или другимъ вѣрующимъ. Ядущіе мясо осуждаютъ не ядущихъ снос; ядущіе овощи осуждаютъ ядущихъ мясо. И такимъ образомъ столъ нашъ бываетъ постояннымъ (*конечно--не въ буквальномъ смыслѣ!*) предметомъ разговора досужихъ людей, и этимъ людямъ какъ будто бы нѣтъ никакого дѣла, какъ только судить о томъ, кто что ѣсть, и кто чего не ѣсть? И вотъ проповѣдникъ поучаетъ таковыхъ: „знайте, что ядущаго, равно какъ и не ядущаго Богъ принимаетъ не по качеству употребляемой имъ пищи... по по мѣрѣ преусиѣнія ихъ въ религіозно-нравственной жизни. Богъ силенъ возставитъ въ славу оправданія и ядущаго и не ядущаго, такъ какъ Онъ смотритъ *не на пищу* употребляемую человѣкомъ, *и на его душу*... Вы же, судящіе, не имѣя возможности знать тайну души осуждаемаго вами человѣка, по неволѣ ограничиваетесь при этомъ только *внѣшней* жизнью осужденнаго вами человѣка, и даже однимъ столомъ. И значить вашъ судъ есть поверхностный судъ, и потому уже самому несправедливый судъ. Тотъ вашъ судъ есть не болѣе какъ грѣхъ осужденія, подвергающей васъ строгому отвѣту предъ Богомъ. И зачѣмъ вы предвосхищаете право суда, принадлежащаго одному лишь Богу? Мы всѣ рабы Божии, и нѣкогда всѣ равно предстанемъ суду Его: зачѣмъ же вы самозванно принимаете на себя роль (*не для себя слово это!*) судьи? Неужели только зачѣмъ, чтобы увеличить грѣхъ свой? *Грѣхъ осужденія есть плодъ нелюбви* къ ближнему своему собрату, *и не любящій брата своего*, по слову Откровенія, *есть человекоубійца*. Что же, неужели вамъ, осуждающимъ, чрезъ свой грѣхъ осужденія (*напомнимъ: рѣчь объ осужденіи ядущихъ!*) хочется добиться *того ужаснаго возмездія, которое ожидаетъ убійцу?*“ Страшное слово! Но оно понравится городу, и, несомнѣнно, не понравится селу, и на село трудно будетъ обижаться за это — ибо село никакъ не пойметъ, что здѣсь предлагается дѣйствительно христіанская мораль. Городу, говоримъ, это понравится, городъ даже жаждетъ слышать подобныя рѣчи, ибо городъ и самъ ведетъ подобныя рѣчи, когда по слышитъ ихъ съ церковной кафедры и даже осуждаетъ проповѣдниковъ, если по-

добныхъ рѣчей отъ нихъ не слышится: разумѣемъ, конечно, желаніе такъ называемыхъ образованныхъ людей, чтобы никто не смотрѣлъ на „внѣшнюю жизнь“, а тѣмъ паче „на столъ“, на „ядущихъ мясо“, что должно смотрѣть на душу, а не на пицу, и это—по тѣмъ самымъ соображеніямъ, что предлагаетъ и проповѣдникъ, т. е. что мѣры нравственнаго совершенства человѣка — его проуспѣяніе нравственное и т. п. Но соло—смѣемъ настаивать—никакъ не пойметъ того, почему это дѣйствительное совершенство не можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ совершаться и во внѣшней жизни, и можетъ существовать безъ такого внѣшняго выраженія, какъ ограниченіе изобилія въ пицѣ, — ограниченіе хотя бы только потому, что вокругъ ядущихъ мясо и нравственно преуспѣвающихъ—толпа людей съ большими усиліями ядущихъ не всегда хорошей хлѣбъ. Господинъ проѣздомъ, на станціи желѣзной дороги, къ страстную седмицу ядущій мясной обѣдъ, можетъ быть и имѣть какую нибудь тайну души, вслѣдствіе которой онъ считаетъ для себя это позволительнымъ; но крестьянинъ—этого рѣшительно не пойметъ и—осудите ли вы его за такое непониманіе?.. А затѣмъ—будетъ ли этотъ крестьянинъ виновенъ, если дѣйствительно *осудитъ* господина за такое неуваженіе къ крестьянской совѣсти, и виновенъ ли онъ будетъ именно той страшной виной, подъ которую проповѣдникъ подводитъ осуждающаго? Да и вообще, справедливо ли будетъ съ богословской точки зрѣнія то, къ чему сводитъ авторъ грѣхъ осужденія ближняго за пицу, то есть „возмездіе, которое ожидаетъ убійца“? По разсужденію проповѣдника это выходитъ именно такъ; но выходитъ оттого, что, какъ мы замѣчали, онъ немножко умаляетъ значеніе соблюденія поста, и увеличиваетъ грѣхъ осужденія. Достигается же это небольшой вставкой, что осужденіе „есть плодъ не любви къ ближнему“. Пусть не *любви* (хотя есть, кажется, разность между недостаткомъ любви и между ненавистью) брата есть челоуѣкоубійца; но и осужденіе не только въ изслѣдуемомъ случаѣ, но и во многихъ другихъ можетъ быть не „плодомъ не любви“, а просто — возмущеннаго нравственнаго чувства. Совершается, на примѣръ, страшная гадость; хорошо покрыть ее христіанскою любовью, — но едва ли долженъ быть приравненъ къ убійцамъ и тотъ, у кого вырвется слово негодованія,

которое, конечно, и будетъ словомъ осужденія.—Такъ оказывается, что и правильная сама по себѣ мысль: „Богъ принимаетъ не по качеству употребляемой пищи“, съ помощью кой-какихъ добавленій, получила у проповѣдника такой видъ, который весьма неудобенъ для проповѣди простому крестьянину. Намъ случалось слышать, на примѣръ, такое разсужденіе хорошаго простаго человѣка о грѣхѣ осужденія: „говорятъ: не осуди. А я тебѣ скажу: не вводи въ грѣхъ“. Поэтому, намъ кажется, если бы проповѣдникъ на ряду съ рѣчью о не-осужденіи за пищу повелъ рѣчь и объ обязанности не вводить людей въ грѣхъ осужденія: онъ оказался бы ближе къ нравственному чувству своихъ простыхъ слушателей. Въ условіяхъ же проповѣдничества автора главная и справедливая мысль проповѣди можетъ оказаться ускользнувшей отъ пониманія слушателей, а принужденно сдѣланные выводы и приложенія ея воздѣйствовать на слушателей, а послѣднее безъ перваго — совершенно бесполезно! — Къ числу подобныхъ же чрезмѣрностей, могущихъ смущать простаго человѣка, относимъ сдѣланное на страницѣ 677—8 такое обращеніе къ православнымъ: „православные! Зачѣмъ вы поднимаете крамолу противъ Христа, и презирая Его спасительное дѣло, опять содѣлываетесь рабами грѣха, смерти и діавола. *Знайте, что вамъ не возстановитъ ихъ темныхъ царствъ своею кривою противъ Христа...* Эта крамола ваша будетъ лишь причиною вашей вѣчной гибели, сопряженной съ страшными адскими мученіями“! Опять непониманіе сельскими жителями образно-гиперболическаго языка, проникшаго, какъ видно, и на сельскую церковную кафедру, можетъ создать великое затрудненіе: русскій крестьянинъ, да какой же онъ крамольникъ противъ Христа?! Да ужли же въ самомъ дѣлѣ слушатели автора замышляютъ „возстановленіе темнаго царства діавола“? На стр. 593 проповѣдникъ внушаетъ слушателямъ: „нѣкоторые изъ христіанъ щеголяютъ своимъ постничествомъ: этого не ѣдятъ, этого не пьютъ (*а какъ же хочетъ авторъ: все ѣдимъ, все пьемъ?*), и изъ себя показываютъ такой жалкій видъ, что возбуждаютъ въ людяхъ разговоръ о своемъ постничествѣ. Но знайте, что такіе люди не истинные постники: мрачный видъ этихъ постниковъ *есть только прикрытіе ихъ внутреннихъ нравственныхъ безобразій.* Такіе-то

именно постники и были пѣкогда убійцами Христа"! Но увѣренъ ли и самъ проповѣдникъ въ томъ, что всѣ мрачные или жалкаго вида люди, того или другаго не ядущіе и проч. дѣйствительно нравственно безобразные люди? И опять, и опять трудно сельскому уму различить въ этомъ истину отъ затемняющаго ее не сельскаго образа выраженія: то лицемѣрный видъ мнимаго постника, или и мрачный видъ постника дѣйствительнаго, а то дѣйствительное нравственное безобразіе человѣка. — Оставляемъ нѣкоторые другіе примѣры того же рода, не очень рѣдкіе въ проповѣдяхъ о. Надеждинскаго. Но не можемъ не обратить вниманія на одно тоже излишество, хотя особаго рода и хотя къ вопросамъ морали прямо по относящееся. Это — полемическое излишество въ отношеніи къ такъ называемымъ старообрядцамъ.

Тяжело для много читателя видѣть и, вѣроятно, бесполезно было для усовершенія слушателей слышать имъ изъ устъ проповѣдника постоянно укоризненное слово къ отпавшимъ отъ церкви и укоризненное не всегда даже съ соблюденіемъ общепринятыхъ понятій о приличіи на церковной кафедрѣ. Можетъ быть, такое свойство отношеній проповѣдника къ вопросу о старообрядствѣ вытекаетъ изъ преувеличеннаго, опять, его мнѣнія, что „церковь свѣтлая *постоянно стонетъ* подъ напоромъ лжи и ересей, расколовъ и суевѣрій“ (стр. 21). Не хороши, конечно, нравы и обычаи міра отщепенства, совершенно не поддающагося нашему миссіонерству, по свидѣтельству проповѣдника: послѣ бесѣдъ миссіонерскихъ расколоводи „долго и съ крайнею наглостью глумленіемъ кощунствуютъ надъ словами поборниковъ вѣры“, и вообще они „не унимаются, а даже торжествуютъ, когда вступаютъ въ собесѣдованія съ нами наши миссіонеры“ (стр. 184). Но, — сознаемся, — проповѣдь автора едва ли бы помогла дѣлу, даже если принять его мнѣніе о томъ, будто церковь стонетъ отъ напора лжи и отщепенства. Здѣсь, конечно, прежде всего самое соединеніе обличенія старообрядцевъ и — ученыхъ (стр. 532) можетъ повести къ псевдобнымъ выводамъ. Первые, пожалуй, скажутъ: у насъ по крайней мѣрѣ нѣтъ „прикрывающихся какими то выводами науки и отрицаніемъ всего, что не поддается опыту, нѣтъ читателей Ренана, а у васъ—естъ“.

Да и справедливо ли будетъ такое сопоставленіе заблужденій, какое дѣлается авторомъ, шпримѣръ, на стр. 282—3? „Причина уклоненія отъ пути спасенія заключается лишь въ томъ, что одни прочитали сочиненія Штрауса, Ранана; другіе же наслушались бредней и самыхъ глупыхъ ученій разныхъ Аввакумовъ, Денисовыхъ и прочихъ подобныхъ“. Подобныя сопоставленія, говоримъ, по меньшей мѣрѣ неудобны, если даже авторъ будетъ утверждать, что они — справедливы, и неудобны, повторяемъ, по причинѣ возможности возвратной укоризны, которая хотя, положимъ, не будетъ известна намъ, но нежелательно, чтобы она была возможна даже и за угломъ. А затѣмъ—вотъ образцы полемики проповѣдника въ отношеніи къ заблужденіямъ послѣдователей раскола: по мнѣнію проповѣдника, они — „боготворять мертвую букву, ветхую книгу и старый обрядъ“ (стр. 20, 61); „скопища разныхъ еувѣровъ, извѣстныхъ подъ именемъ старовѣровъ“ (стр. 24). „все содержаніе религіи замѣнили или старой книгой, или мертвой буквой“ (134);—„обоготворивъ древній обрядъ и ветхую книгу, думаютъ—все сдѣлали“ (стр. 148). Упрекаетъ ихъ проповѣдникъ за то, что „они не только обвиваютъ тѣла умершихъ полотномъ, но увязываютъ оныя бинтомъ, точь въ точь, какъ поступаютъ няньки, пеленая малютокъ“ (стр. 32); — что „они вотъ уже около двухъ сотъ лѣтъ вертятся себѣ около одной буквы и своихъ излюбленныхъ обрядовъ“ (стр. 50), что они „отдѣлились изъ-за какихъ-то самыхъ пустыхъ обрядностей“ (108), а теперь—„все дѣло затягивается не изъ чего иного, какъ изъ-за любви нѣкоторыхъ къ предвозлежаніямъ на пирахъ“. Даетъ эпитетъ имъ „буквоѣдовъ“ (стр. 51), сравниваетъ съ гадарянами (337), говоритъ объ ихъ „безуміи“ и „готовности исполнять даже законъ еврейскій, лишь бы засвидѣтельствовать непослушаніе церкви“ (стр. 33). Проповѣдникъ почти ругается („за вѣрное можно сказать“) за то, что „явился шпѣ Христось въ такомъ видѣ, въ какомъ Онъ пребывать на землѣ, и Онъ не будетъ принять этими изувѣрами, потому что Онъ (*проиизируетъ проповѣдникъ*) и одѣтъ не по ихнему, и крестится неистово, и учить не объ аллилуйи“ (163). Упрекая раскольниковъ за то, что „по ихъ мнѣнію вся сущность спасающей вѣры состоитъ въ старой книгѣ,

въ двоеніи аллилуія, въ посолошномъ хожденіи“ и т. д., проповѣдникъ вопрошаетъ: „и все сіе, что другое можетъ значить, калѣ не совершенно глупую ихъ ревность по мертвой буквѣ и старой вѣрѣ“ (стр. 168)? Или: „посудите, что можетъ дать для души вѣрующаго какой-нибудь бѣглець часто пьяный и развращенный?“ (292). Вообще, проповѣдникъ какъ будто бы хочетъ возобновить то, что въ проповѣди почти вышло изъ употребленія—не къ ущербу достоинства и пользы церковнаго слова, и возобновленія чего никакъ уже нельзя желать. Да и что, въ самомъ дѣлѣ достигается подобнымъ тономъ рѣчи? Возбудить отвращеніе къ отщепенству отъ церкви? Но такимъ средствомъ этого едва-ли можно достигнуть, ибо были такіе специалисты по части употребленія порицательныхъ выраженій, за которыми нашъ авторъ останется далеко позади, и... результатъ извѣстенъ. А главное—весьма можно усумниться, понимали-ли еще простые слушатели проповѣдника (за исключеніемъ, конечно, такихъ порицательныхъ выраженій, какъ: пьяный, глупый) всю соль иныхъ изъ его порицаній, какъ напримѣръ: буквѣды? Точно то же, думаемъ, должно сказать и о богословской сторонѣ претензій проповѣдника противъ раскола. „Не хотятъ знать ничего кромѣ буквы Писаній“ (189); „вѣрять лишь одной мертвой буквѣ Писаній и баснямъ празднаго ума, а Откровеніе Божіе прямо говоритъ, что письма убиваетъ“ (608); „почиваютъ на одной буквѣ Писаній“ (181); „проповѣдуютъ какую-то мертвую букву, древній обрядъ, ветхую книгу“ (444 ср. 374): много ли людей находилось между слушателями проповѣдника, для которыхъ выраженія о мертвой буквѣ не составляли-бы однихъ звуковъ,—такъ какъ не только мертвыхъ, но и никакихъ буквъ Писаній нынѣ изъ нихъ, вѣроятно, и не видѣли? А какъ это „письма убиваетъ“, что значитъ „стараться смѣщивать свѣтъ со тьмою“ (стр. 322): это понималось, вѣроятно, еще менѣе. Но мы не хотимъ сказать, что проповѣдникъ намѣренно возбуждаетъ враждебное настроеніе въ слушателяхъ къ отщепенцамъ, вѣроятно, односельцамъ слушателей. Цѣль, намѣренія проповѣдника весьма мирны и совѣтъ его, какъ относиться къ заблуждающимся, весьма хорошъ: „не кляните этихъ людей, а молитесь“ о нихъ (181); но—поле-

мика, повторяемъ, не чужда такихъ мыслей и выраженій, которыя на сельской каѳедрѣ видѣть употребляемыми—не желательно.

Но правоученіе проповѣдника становится не сельскимъ, т. е. неудобоусвоеннымъ въ селѣ, не только отъ излишествъ, отъ чрезмѣрности въ требованіяхъ, но и отъ недостатка, который можно обозначить какъ: недостатокъ вниманія къ особенностямъ нравственнаго состоянія и нравственныхъ понятій именно сельскихъ слушателей, слѣдствіемъ чего является только случайное, неполное раскрытіе весьма потребныхъ для села проповѣдническихъ темъ. Примѣры этого мы отчасти видѣли, но нижепоказанное представить примѣры болѣе яркіе и, можетъ быть, могущіе послужить указаніемъ того, сколь необходимо въ сельской проповѣди имѣть въ виду нравственныя потребности именно села. Такъ, у автора есть нѣкоторыя излюбленныя понятія, относящіяся къ области христіанской этики, къ которымъ онъ сравнительно чаще обращается въ своей проповѣди. Къ такимъ мы относимъ понятія: „тройственная похоть“, „грѣшный міръ“ и суета. Чтобы не быть неосновательными, утверждая, что эти понятія проповѣдникъ любить употреблять, укажемъ страницы, на коихъ встрѣчается выраженіе: „тройственная похоть“. Это —стр. 129. 183. 216. 235. 370. 419. 460. 498. 561. 609. 611. 617. 626. 637. 641. 677, а можетъ быть что-нибудь нами и опущено. А „міръ“, съ эпитетами: грѣшный, злой, суетный, все мірское—какъ нѣчто уже не хорошее: стр. 20. 129. 157. 177. 182. 202. 257. 318. 322. 324. 396. 408. 419. 482. 588. 607. 626. Какія же идеи соединяетъ, а слѣдовательно и внушаетъ слушателямъ—ибо рѣчь для нихъ—проповѣдникъ съ понятіями тройственной, или, какъ чаще употребляетъ проповѣдникъ, тройственной мірской похоти, хотя должно сказать, что онъ соединяетъ эти понятія и другими способами, и даже всѣ три понятія даетъ иногда въ одномъ сочетаніи,—и какое приложеніе дѣлаетъ къ нравственнымъ потребностямъ слушателей? Авторъ говоритъ: „строгое исполненіе христіанскихъ обязанностей сопряжено съ немалыми трудами, такъ какъ приходится бороться съ тройственной похотію міра, съ лукавствомъ діавола и многими соблазнами ихъ. Но что же дѣлать;

нужно все преодолевать или терпѣніемъ или бдѣніемъ и молитвами“ (129). Преодолевать же — нужно, ибо— „служащiе *своей* тройственной похоти никогда не достигнуть благъ царствiя небеснаго“, т. е. лишены надежды спасенiя (637. Ср. 677). Другiя мѣста, сюда относящiяся: „люди безразлично, а пожалуй даже съ излишкомъ предаются тройственной мирской похоти, какъ бы желая возмѣститъ потерю мясныхъ блюдъ“ (рѣчь идетъ о постѣ, 216); „человѣкъ— погрязъ въ суетномъ служенiи тройственной мирской похоти“ (411), — „предается вѣсьмъ сладостямъ тройственной мирской похоти“ (460), „увлекается тройственной мирскою похотiю“ (498); люди одни другихъ „стараются уловить въ сѣти мерзкаго служенiя тройственной мирской похоти“ (561), „предаются соблазнамъ тройственной похоти“ (609. 626). Въ самомъ почти концѣ книги (стр. 677) проповѣдникъ повторяетъ о лишенiи даровъ искупленiя людей, которые „вѣсьмъ своимъ существомъ отдаются въ воздѣйствiе одной лишь тройственной *похоти мiра, плоти и діавола*“. — Итакъ, прежде всего очевидно, что „тройственная похоть“ въ отношенiи къ безирепятственности въ совершенiи нашего спасенiя есть нѣчто важное, если можетъ лишить даровъ искупленiя. Допустимъ, что для автора, какъ богослова по образованiю, ясно, что тройственная похоть составляется: похотiю плоти, похотiю очесъ и гордостью житейской (стр. 609). Но можетъ ли авторъ брать вѣсь эти понятiя и употреблять въ рѣчи къ простому народу какъ такія, относительно которыхъ рѣшительно нельзя сомнѣваться, чтобы они не оказывались въ умахъ слушателей не готовыми понятiями, а одними словами безъ даже приблизительнаго знанiя того, что подъ этими словами скрывается? Не отрицаемъ, что эта формула о тройственной похоти употребительна въ проповѣдяхъ именно такъ, какъ употребляютъ ее проповѣдникъ, то есть, какъ нѣчто будто бы и для слушателя не богословскаго образованiя само собою понятное. Но самое большое, что здѣсь таковой слушатель можетъ выработать для себя, это развѣ, что цвиримѣръ „похоть мiра“ есть нѣчто дурное; все же остальное составляетъ ту часть богословскаго ученiя, которая для ума поселянина трудно воспріимлема въ ея обычномъ видѣ и требуетъ нарочитаго приспособленiя. Точно также проповѣдникъ сво-

имъ ясно выраженнымъ требованіемъ въ отношеніи къ міру совсѣмъ не разрѣшаетъ нравственныхъ затрудненій, а скорѣе создаетъ ихъ. „Злой міръ, грѣшный міръ“: это для крестьянина еще понятно: въ мірѣ много грѣха, много зла. Но затѣмъ мысль, что „для грѣхъ, которые совершенны въ вѣрѣ и святы по жизни, *все житійское, все мірское* есть ничто иное, какъ тщета и уметы“ и проч. (182), а потомъ требованіе: „быть мертвыми для міра“, или: „этотъ міръ долженъ быть мертвымъ для насъ“ (324): какъ, по мнѣнію проповѣдника, поймутъ это въ селѣ? Мы съ своей стороны отказываемся гадать объ этомъ. Но едва ли авторъ не согласится, что настроеніе слушателей, вызываемое подобными требованіями, будетъ не ободряющее: проповѣдникъ не говоритъ вѣдь, что быть мертвымъ для міра не означаетъ требованія удалиться отъ міра или общества людей, а удалиться отъ грѣха, отъ зла, отъ злыхъ, т. е., порочныхъ людей. Это простой человѣкъ понимаетъ и этого иногда пламенно желаетъ. Но умы, не воспитанные на привычкѣ къ условному языку и привычкѣ все принимать безъ условныхъ, относительныхъ и смягчительныхъ толкованій, могутъ придти въ смущеніе: какъ крестьянинъ можетъ умереть (если не разумѣть физической смерти) для міра, когда ему этого даже не позволяютъ? „Ни о чемъ мірскомъ не заботься“: это нравственное требованіе—которое само по себѣ обрекаетъ слушателей того общественнаго положенія, съ какимъ имѣлъ дѣло нашъ проповѣдникъ, на лишише спасенія. какъ это, по достовѣрнымъ извѣстіямъ, въ мысляхъ простаго человѣка и укореняется, т. е. простой человѣкъ готовъ бываетъ пожалуй думать, будто во всякомъ честномъ званіи и состояніи спастись еще нельзя, и что онъ можетъ пожалуй слышать о спасеніи, но спасенію—не для него. Это ли задача сельской проповѣди, чтобы пробуждать подобныя настроенія?—Мы съ авторомъ, конечно, хорошо знаемъ, что совѣты подобнаго рода, въ основѣ которыхъ лежатъ понятія о „мірѣ“ какъ о чемъ-то самомъ по себѣ препятствующемъ спасенію, о суетѣ, подъ которую подводится и закопное попеченіе о жизни, очошь обычны и въ книгахъ богословскихъ, и въ нашихъ проповѣдяхъ, и, стало быть, можно думать—есть же основаніе предлагать ихъ и съ церковной кафедры. Но положеніе, подобное положенію проповѣдника,

т. е. положеніе сельскаго священника, кажется, и должно бы наводить на размышленіе о томъ, правильно или неправильно мы всегда, когда случится, прибѣгаемъ къ условно-аскетической терминологіи, и не нужно ли иногда подумать о томъ: предложеніе идеаловъ въ видѣ предложенія отвергнуться всего мірскаго („оставьте свою привязанность къ міру“, говоритъ въ одномъ мѣстѣ проповѣдникъ, стр. 406), какъ грѣшнаго и тѣснаго, не должно ли быть ограничиваемо не по одной бесполезности такового предложенія, а и по простой справедливости, такъ какъ женщина за десятокъ верстъ пришедшая къ литургіи съ ребенкомъ на рукахъ, тоже совершила своего рода подвигъ, хотя и не оставила и даже не оставитъ „понецкій мірскихъ“? Съ этой точки зрѣнія, можетъ быть, и справедливо замѣчаніе автора, что „объ особенно выдающихся подвигахъ поста и молитвы нынѣ вовсе мало стало слышать“ (стр. 215): возможно, что молитва и постъ какъ *подвигъ*, а не какъ общехристіанская обязанность, не замѣтны въ той средѣ, гдѣ совершаетъ свое высокое служеніе проповѣдникъ. Но не найдетъ ли онъ вокругъ себя другихъ подвиговъ? Развѣ, напримѣръ, не подвигъ, когда даже безъ мысли о томъ, что дѣло могло бы быть и иначе, люди падаютъ сражаемые бичемъ голоднаго тифа, считая грѣховною самую мысль, что вѣдь они не заслужили его такъ же, какъ иной не заслужилъ и свою сытую, тихую и мирную жизнь, но что такова воля Божія, вообще - не подвигъ ли это, иногда и писателями прославляемое, смиреніе русскаго человѣка среди самой вопіющей несправедливости къ нему судьбы? Нѣтъ, какъ угодно, но здѣсь полнцемѣрная, христіанская покорность волѣ Божіей — разумѣемъ, конечно, сознательное смиреніе предъ нею — подвигъ не меньшій, чѣмъ вышнее оставленіе прелестей мірскихъ, суетныхъ заботъ и тому подобное, что крестьянинъ никакъ не можетъ совершить, что считаетъ, съ сознаніемъ своего недостойства, для себя не достижимымъ, — совершая однако, между тѣмъ, подвиги не меньшіе, но лишь не зримые, даже имъ самимъ не замѣчаемые и на условномъ языкѣ такъ не называемые! Стало бытъ: зачѣмъ еще проповѣдникамъ, въ положеніи подобномъ положенію автора, какъ бы подчеркивать народу его невыгодное положеніе въ отношеніи къ средствамъ совершенія спасенія—

этимъ ученіемъ о томъ, что не исполнимо въ сельскомъ быту? Для села есть и свои общеобязательныя требованія нравственныя, какъ есть и свои подвиги, и стало быть—гордость житейская, любовь къ міру, суета всего земнаго—эти, говоримъ, почти излюбленныя проповѣдникомъ понятія, или очень мало должны бы имѣть мѣста у него, или же—должны быть такъ преобразованы въ своемъ содержаніи, чтобы дѣйствительно имѣть приложеніе въ быту слушателей и доступъ къ ихъ сердцамъ. Иначе восклицанія: „кто изъ насъ свободенъ отъ мірскихъ заботъ? Всѣ мы заражены *страстію* заботъ!“ (стр. 318)—такъ и останутся одними восклицаніями; „страсть заботъ“ едва ли будетъ принята за что—либо подлежащее осужденію на ряду, напримѣръ, со страстію къ винопитію; — призывъ хлѣбопашцевъ „къ самоуглубленію“ (стр. 316) — непонятнымъ призывомъ, а потому и упрекъ въ томъ, что „большая часть изъ нихъ чужды самоуглубленія, и потому—уподобляетъ себя чрезъ то тѣмъ жалкимъ людямъ, которые и видя не видятъ“ — непонятнымъ упрекомъ! Точно также — непонятенъ имъ будетъ упрекъ безъ должныхъ объясненій проповѣдника за то, что они „работаютъ грѣху, иждиваютъ на него всѣ силы своей души и тѣла, и губятъ себя этой работой“ (стр. 500). Этическое богословское понятіе работы грѣху должно, такъ сказать, пройти сквозь призму общедоступныхъ нравственныхъ понятій, чтобы получить какое нибудь значеніе (а слѣдов. принести и пользу) для крестьянина. А чтобы все это въ самомъ дѣлѣ дошло до души крестьянина въ этомъ непреломленномъ видѣ, въ этомъ такъ же можно сомнѣваться, какъ нельзя сомнѣваться въ томъ, сколь удобовоспріемлемы наставленія проповѣдника, которыя онъ (стр. 34—35) преподаетъ женамъ и дочерямъ своихъ слушателей относительно—какъ онъ выражается—„обширной области женскихъ обязанностей“—области, быть можетъ, болѣе трудной и въ нравственномъ отношеніи, чѣмъ это думаютъ проповѣдники, упрекающіе слушателей за то, что они наполняютъ душу свою мірскими заботами.

Говоря это мы не хотимъ сказать, что проповѣдникъ *постоянно* вращается въ области нравственнаго ученія для села непонятнаго: мы хотимъ только сказать, что онъ довольно легко сходитъ съ почвы удобной для него на почву,

воздѣлывать которую, образно говоря, его средствами и въ направленіи имъ излюбленномъ, или, по крайней мѣрѣ, для читателя кажущемся таковымъ, было бы весьма затруднительно—по неприложимости здѣсь самыхъ сѣмянъ, возрастить которыя онъ старается. Въ этомъ отношеніи укажемъ на одну страницу, гдѣ изложены мысли важныя какъ безотносительно къ нравственнымъ запросамъ села, такъ въ особенности въ приложеніи къ сельскому быту, но предложивъ которыя проповѣдникъ скоро опять оказывается въ области—такъ сказать смѣшенія возможнаго и невозможнаго, сельскаго и не-сельскаго, дѣйствительно нравственнаго и нравственно безразличнаго. Проповѣдникъ говоритъ (641): „въ жизни христіанъ нынѣшняго вѣка мы замѣчаемъ, что нѣкоторые какъ бы не довѣряютъ вседѣйствующей силѣ Промысла Божія о спасеніи людей, и стараются предупредить всѣ случайности своей жизни своею излишнею суетою и непосильными заботами. Настоящій міръ до того осуетился въ этихъ своихъ заботахъ, что у него недостаетъ времени не только для исполненія заповѣди Божіей о покоѣ седьмаго дня, но даже и для совершенія домашней молитвы, или непротенія Божія благословенія на начало своихъ дѣлъ и предприятий“. Наблюденіе весьма вѣрное: припомните спекуляцію даже на человѣческую жизнь въ видѣ страхованія челоуѣка, на ряду съ страхованіемъ скота. Что же дальѣ? „Міръ людской кипитъ въ своей дѣятельности — говоритъ проповѣдникъ, и не задумывается надъ страшными неудачами, которыя преслѣдуютъ его дѣятельность почти на каждомъ шагу. Тамъ пожары и моровыя язвы, засухи и голодь, здѣсь — страшныя наводненія; тамъ бѣдствія отъ глада и морозовъ, здѣсь — отъ тучи насѣкомыхъ разнаго рода и вида. (Какъ все это хорошо знакомо слушателямъ автора!) И челоуѣкъ все таки не хочетъ сознать того, что эти бѣдствія суть дѣйствія вразумляющаго насъ Промысла, а потому и думаетъ исправить свое дѣло не молитвою и покаяніемъ (*припомнимъ общественныя злодѣствія*), и новыми заботами и замысловатыми выдумками разныхъ машинъ и приспособленій для оныхъ злодѣствій“. Но развѣ лопата и цѣпъ, соха и борова не суть тѣже приспособленія и машины—только первобытнаго устройства? Развѣ забота о средствахъ преградить путь кузкѣ и суслику—не-

совмѣстима съ надеждою на Промысль, или есть противленіе ему, или выражаетъ собою невѣріе въ силу молитвы? Но вѣдь тогда не нужно поливать и огорода, чтобы не выразить недовѣрія къ молитвѣ о дождѣ. Не серьезный ли это вопросъ сельской этики, который проповѣдникъ долженъ бы разъяснить такъ, чтобы въ умахъ не могло возникнуть совсѣмъ не-религіозной безпечности? Проповѣдникъ заключаетъ: „мы вѣримъ, что всѣ эти и подобныя имъ заботы (*ясно—какія*) не спасутъ человѣка отъ постигающихъ его золь, потому что эти заботы совершаются имъ не во имя Бога, благословляющаго всякій трудъ и предпріятіе человѣка, но во имя суеты, тщеславія и корыстолюбія“. Но почему же забота и трудъ съ нѣкоторыми примѣненіями изъ области усовершенствованій является уже непремѣнно трудомъ не во имя Бога? И почему такой трудъ является уже „суетою“, выражаетъ корыстолюбіе и т. д.? Потому — можетъ быть—что выражаетъ стремленіе усилить успѣшность труда, въ свою очередь, обосновываемую на надеждѣ на свои силы? Но почему же и въ такомъ случаѣ не можетъ быть трудъ съ молитвою и искреннею надеждою на помощь, при вѣрѣ въ то, что силы человѣка — ничто безъ Божіей помощи? А корыстолюбіе, если угодно, будетъ лежать въ основѣ рѣшительно всякаго труда, — при способахъ болѣе совершенныхъ и при способахъ безъ всякаго участія какихъ либо замысловатыхъ выдумокъ. Такъ проповѣдникъ, начавъ тѣмъ, что указалъ серьезный нравственный недугъ, котораго не чуждо и село, далѣе сдѣлалъ выводы, создающіе нравственныя затрудненія. Авторъ лучше поступилъ въ однородномъ вопросѣ возникшемъ при другомъ случаѣ, когда въ человѣческой дѣятельности явственнно разрѣшилъ возможность двоякаго характера: дѣятельность съ единственною надеждою на себя, и съ явственнымъ признакомъ такого самонадѣянія; и — дѣятельность, въ которой сохраняется вѣра въ Промысль безъ ослабленія естественной энергіи и безъ предосужденія обращенія къ естественнымъ способностямъ человѣка, такъ какъ и то и другое совершенно совмѣстимы. „При моровыхъ язвахъ—говорилъ однажды проповѣдникъ—при губительныхъ повѣтріяхъ люди все благополучіе человѣка хотятъ обставить исключительно одними лишь медицинскими знаніями и мѣрами. Но бѣды не уни-

чтожаются, а годъ отъ года множатся и дѣйствуютъ съ все-сокрушающею силою. А отчего? Оттого, что мы ищемъ помощи *только* въ наукѣ. Но если хотите, чтобы помогла вамъ наука, прежде всего обратитесь къ Богу, Его просите о помощи; тогда и исцеленія медицины и гигиены принесутъ вамъ несомнѣнную пользу“ (стр. 197): примѣръ морали не сходной съ моралью примѣра предъидущаго и обпаруживающій совершенно истинную точку зрѣнія на подобныя вопросы!

Намъ теперь остается сказать о томъ, каково богословствованіе проповѣдничества с. Надеждинскаго, а также и такъ называемый языкъ его проповѣдей—съ точки зрѣнія потребностей и задачъ сельской проповѣди.

Нужно ли напоминать о степени религіозныхъ познаній и религіознаго развитія нашего простаго народа? Думаемъ, что это не нужно: если кому это неизвѣстно по собственному опыту, то объ этомъ уже достаточно писано. Но обширный сборникъ проповѣдей, нами теперь разсматриваемый, не всегда даетъ чувствовать самъ по себѣ, что фактъ этотъ извѣстенъ проповѣднику. Проповѣдникъ не одинъ разъ излагаетъ такіе предметы и такъ, что иныя изъ страницъ его проповѣдей безъ особаго напряженія не можетъ повторить даже хорошій ученикъ семинаріи послѣднихъ классовъ, если даже *прочитаетъ* эти страницы. Что же было, если только проповѣдникъ все это дѣйствительно произносилъ, съ его слушателями, лишь на нѣсколько моментовъ могущими сосредоточиваться надъ идеями проповѣдника, тогда какъ читатель временемъ бываетъ не стѣсненъ? Съ другой стороны — у проповѣдника есть мѣсто, могущее привести въ нѣкоторое недоумѣніе даже и богословски образованнаго читателя, если только таковой не знакомъ, наиримѣрь, съ Иннокентіемъ. А за тѣмъ нужно сказать, что и вообще догматико-теоретическая часть въ проповѣдяхъ с. Надеждинскаго обставлена такою ученостію, какая вѣроятно рѣдко слышится подъ сводами сельскихъ храмовъ, да и сожалѣть объ этомъ не приходится. Примѣры первой категоріи: бесѣда (№ 63) о томъ, что „человѣкъ оправдывается не дѣлами закона, а только вѣрою“: предметъ, конечно, трудный. Но и изложеніе его авторомъ таково, что, говоря, наиримѣрь стр. 310—14 не легко могутъ быть по-

вторены. Чтобы дать понятіе объ этомъ, мы должны были бы выписать всю бесѣду, чего сдѣлать не можемъ. Но думаемъ, что о бесѣдѣ можно судить уже и на основаніи такихъ разсужденій проповѣдника: „божественное откровеніе неоднократно повторяетъ, что для праведника нѣтъ закона. И какой можетъ быть законъ для того, кто по своей жизни, по всѣмъ своимъ дѣйствіямъ и поступкамъ не только въ совершенствѣ исполнилъ весь законъ, но и превысилъ (?) всѣ повелѣнія и всѣ запрещенія онаго? Такой человѣкъ есть именно умершій для закона, такъ какъ въ жизни такого человѣка уже нѣтъ ничего, чѣмъ обыкновенно живетъ законъ въ подлежащихъ ему личностяхъ. Для такого человѣка и запрещенія закона давнымъ давно потеряли свою обязательную силу“. „Истинные христіане должны жить не въ области дѣйствій закона, но подъ осѣненіемъ вседѣйствующей благодати, куда не могутъ достигать ни повелѣнія, ни запрещенія закона, и гдѣ царить одна лишь спасающая свобода вѣры Христовой“. Предоставляемъ судить читателю о томъ, много ли войдетъ въ умы сельскаго люда изъ этого образа богословствованія проповѣдника, а если войдетъ немного, то понятно почему это, къ сожалѣнію, такъ и должно быть. Страницы 387, 391 доставляютъ опять примѣры того же рода. „Человѣкъ не удерживается на пути спасенія: онъ, подъ напоромъ тройственной мірской похоти, падаетъ, и такимъ образомъ опять умираетъ для Бога и благодати искупленія, и оживаетъ для грѣха, воскресилъ въ себѣ всю страстность похоти плоти“ и проч. „Преданность игу креста Христова“, которой должно заканчиваться воспитаніе человѣка, по мысли проповѣдника, есть тоже понятіе, едва ли дошедшее до умовъ слушателей. Не поймутъ въ селѣ, да опять не всякій человѣкъ и съ богословскимъ образованіемъ повторить и изъясненіе апостола, читаемаго на Благовѣщеніе (стр. 190—93). Объясненіе это имѣетъ своей темою вопросъ: „почему для спасенія человѣка воплощается именно Богъ Слово, а не какой-либо Ангелъ?“ Но можемъ, конечно, привести здѣсь нѣсколько страницъ. Но замѣтимъ: ужели можно разсчитывать на усвоеніе людьми, въ лучшихъ случаяхъ знающими только необходимую молитву, разрѣшеніе того, почему „всемогушій Сынъ Божій не могъ совершить спасеніе человѣка по

одной только силѣ Божества? — По обычаю, не знаемъ, кѣмъ въ наше проповѣдничество введѣнному, авторъ часто ставитъ и разрѣшаетъ разныя возраженія, въ журнальныхъ статьяхъ, конечно, поставляемыя, но безъ сомнѣнія его слушателямъ до его проповѣди рѣшительно неизвѣстныя. Такъ — проповѣдникъ защищаетъ (стр. 430—32) разрѣшеніемъ возраженій противъ родословія Иисуса Христа, излагаемаго Евангелистомъ Матосемъ. Певольно даже является мысль: ужели же эти страницы и въ самомъ дѣлѣ произнесены были въ сельской церкви? Возраженіе же страницы 435-ой не желательно бы встрѣчать не только въ проповѣди назначаемой для села, но и ни въ какой проповѣди: долженъ быть предѣлъ всякой ревности защищать „правдивость Евангельской исторіи“, какъ выражается въ другомъ мѣстѣ проповѣдникъ (468), и поставленіе тѣхъ или иныхъ вопросовъ въ „обличительномъ богословіи“ не оправдывать внесенія этихъ вопросовъ на каедру церковную, что, повидимому, думаетъ проповѣдникъ. — Упомянувъ выше о томъ, что у проповѣдника есть мѣсто, которое можетъ возбуждать недоумѣніе въ тѣхъ слушателяхъ, кои незнакомы съ возвышенной богословской теоріей „высокаго преимущества вѣры безъ чудесъ“, мы разумѣемъ здѣсь его разсужденіе о чудѣ. „Чудо — говорилъ проповѣдникъ однажды — само по себѣ не можетъ убѣдить человѣка къ послѣдованію истины“, потому что извѣстнаго рода люди „всякое чудо и всегда поймутъ и перетолкуютъ по своему“ (стр. 73): мысль, конечно, не подлежащая возможности какого либо перетолкованія. Но сомнѣваемся, будутъ ли удобны такія разсужденія проповѣдника въ другомъ мѣстѣ: „есть христіане, которые мало довѣряютъ слову и ученію Церкви и все ждутъ какого-то новаго чуда, которое убѣдило бы ихъ въ истинѣ православія. Но пусть вѣдаютъ эти люди, что они не дождутся чуда: *время чудесъ миновало*, да и чужды въ нихъ теперь не чувствуется... Ибо истина вѣры вполне открыта намъ Самимъ Богомъ“. Это — о раскольникахъ. А къ православнымъ такое обращеніе: „не полагайтесь на свой разумъ, а тѣмъ болѣе не ждите никакихъ чудесъ“ (329). Но какъ же можно сказать, что время чудесъ миновало? Авторъ самъ рассказываетъ любопытный въ этомъ отношеніи фактъ (стр. 347), и даже прибавляетъ: „конечно, это событіе не един-

ственное“. Только намъ не дано распоряженіе чудесами, и потому никакъ нельзя и сказать, дождется ли кто-нибудь чуда или не дождется. Отсюда должно признать гораздо лучшимъ то обращеніе къ жаждущимъ чудесъ „старообрядцамъ“, съ которымъ проповѣдникъ относится къ нимъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 189): „друзья! Чего вы хотите? Вѣдь все, что нужно намъ для живота и благочестія открыто намъ и опредѣлено Цорковью до *мельчайшихъ* подробностей“, а если уже и не до *мельчайшихъ*, замѣтимъ отъ себя, то до *необходимыхъ* подробностей. Пужио бы также воздерживаться отъ того пророческаго тона, который, богословствуя или даже и обличая, по мѣстамъ позволяетъ себѣ проповѣдникъ: „вѣдь, мы люди,—скажемъ словами Златоуста—и не знаемъ всего будущаго“. Этотъ тонъ замѣчается на той же стр. 189 относительно „злой судьбы, которая непременно постигнетъ“ тѣхъ же староѣровъ; на стр. 461 относительно „молитвенниковъ по обычаю или по обязанности“, вообще—относительно молящихся не совершенною молитвою проповѣдникъ говоритъ, что ихъ участь жалка: „эти молитвенники подвергнутся вѣчному осужденію“, т. е. проповѣдникъ не говоритъ только, что такая молитва не есть совершенная молитва, но и ручается за то, что такая молитва будетъ поставлена ни во что предъ судомъ правды Божіей—Примѣры ученой обетаповки, въ которой проповѣдникъ предлагаетъ свое богословствованіе, таковы: объясненія дневной апостоль изъ I Кор. I, 10—18, проповѣдникъ старается дать слушателямъ понятіе объ умственномъ состояніи древняго міра слѣдующими словами: „древній міръ, въ особенности греческій, увлеченій ученіемъ разныхъ философовъ, мудрецовъ, по своимъ міровоззрѣніямъ, раздѣлялся на столько же партій, сколько было философскихъ ученій. Вчитываясь въ древнюю исторію умственныхъ движеній разныхъ философскихъ партій, видимъ, что едва замѣтный блескъ истины, затемненный мудрованіями человѣческаго ума, совершенно потухалъ и въ словѣ проповѣдниковъ того или другаго философскаго міровоззрѣнія“ (стр. 19; сравн. о тѣхъ, кои именемъ „апостола, какъ представителя своей партіи, производили распри“ и проч. На стр. 153 „парства Вавилонское, Ассирійское, древне-римское и другія“ приводятся въ примѣръ того, „какъ шатки бываютъ госу-

дарственные основы“, при устроении ихъ по началамъ слѣпотствующаго ума (ср. 498). Проповѣдникъ приглашаетъ „хотя бы къ поверхностному обзору исторіи распространения христіанства“ — не будемъ говорить для какихъ цѣлей: важенъ этотъ фактъ (342); исторіи Нероновъ, Діоклитіановъ, Юліановъ и Македоніевъ предполагаются совершенно извѣстными слушателямъ и сообразно такому предположенію проповѣдникъ такъ и обращается съ этими именами (368). О словахъ Апостола: „слава и честь и миръ всякому дѣлающему доброе, во первыхъ Іудею, потомъ Елліну“, проповѣдникъ разсуждаетъ: „Апостоль нѣсколько разъ употребилъ выраженіе: „во первыхъ Іудею, потомъ Елліну“. Выраженіе это не обозначаетъ собою какого-либо преимущественнаго достоинства однихъ предъ другими: иначе апостоль самъ противорѣчилъ бы себѣ; а означаетъ лишь разность путей той исторической жизни, которыми шли къ предназначенной цѣли Іудеи и Елліны. И такъ какъ вообще гдѣ предполагается множество, тамъ сама собою предполагается и постепенность, напредѣръ, при размѣщеніи онаго множества, при входѣ онаго куда либо, или при раздачѣ ему чего либо, и прочее. Вотъ при этомъ-то множествѣ Іудеи занимаютъ первое мѣсто“ и проч. (стр. 140).— Не можетъ быть такихъ образцовъ не весьма много, чтобы ими можно было характеризовать эту сторону проповѣдей о Надеждинскаго? Нѣтъ, весьма и весьма довольно, и чтобы кончить съ этой стороной его проповѣдничества замѣтимъ еще, что эта ученость у проповѣдника одолеваетъ читателя отчасти и потому, что проповѣдникомъ забыто его собственное хорошее правило проповѣдничества: не касаться въ проповѣди вопросовъ одной пытливости, ученаго любопытства, для спасенія не имѣющихъ значенія — какъ объ этомъ мы упоминали выше. Авторъ, напредѣръ, на стр. 440, заявляетъ, что „Іосифъ, проживши въ Египтѣ *четыре года*, съ радостію исполняетъ повелѣніе“ о возвращеніи младенца Іисуса съ Матерію въ ихъ отечество. А такъ какъ опереться въ этомъ на дневное Евангеліе нельзя; то призываются въ свидѣтели, въ подстрочномъ примѣчаніи, Шлоссеръ и Веберъ, съ прибавленіемъ, что „Фарраръ держится другаго лѣтосчисленія“. Если „ученые разногласятъ“: то для чего и вводить въ проповѣдь то, что и ни къ чему

не нужно, и о чемъ разногласить? Точно также къ чему было, въ другомъ мѣстѣ, дополнять воображеніемъ дѣло, о которомъ намъ мало что извѣстно? Разумѣемъ предположеніе автора (стр. 502) о томъ, почему „обыватели Виплеема“ въ ночь рожденія Господа, „не слышали особеннаго торжества“ ангеловъ. Предположеніе это таково: „сѣхавшіеся изъ разныхъ странъ—рады были повидаться и провести время въ пріятельскихъ бесѣдахъ, и имъ въ этомъ шумѣ, быть можетъ увеличеніемъ и обиліемъ угощеній, было не до того, чтобы увлечься какими либо хотя и необыкновенными явленіями“. Но это — такая гипотеза, которую, вѣроятно, уже нельзя подтвердить никакими учеными авторитетами. А если такъ, то къ чему и судить объ отдаленномъ времени по произвольной аналогіи съ обычаями современныхъ намъ сѣздовъ?

Языкъ и пріемы рѣчи въ проповѣдяхъ автора отчасти отвѣчаютъ его богословствованію, а отчасти какъ будто бы дѣйствительно имѣютъ въ виду сельскаго обывателя, только ошибочно понимаемаго въ отношеніи къ его потребностямъ. „Нѣстунство закона“ (470. 632. 671), „обряды сѣновныя“ (487. 509), „пока сѣвъ не осуществится въ образѣ вощей“ (тамъ же), „служебное дѣланіе“ (451), „представители церкви“ (119), „токи благодати“ (46), „токи истины“ (677): это примѣры богословскаго языка у проповѣдника. Но пусть подобныя выраженія, хотя непонятныя народу по трудности для него выражаемыхъ ими идей, имѣютъ право существованія въ употребленіи ихъ школой и научнымъ богословіемъ. Встрѣчаются многія выраженія, составляющія результатъ самостоятельнаго творчества автора въ области языка. Таковы: „время дѣйствительнаго дѣйствованія“ (437), „количественное число“ (222), „масса грѣха“ (474), „явленіи грѣха“ (588), „грѣхъ—не собственность души“, „съ отвагою попираетъ грѣхъ“ (561) и т. п. Сказывается въ языкѣ и пріемахъ проповѣдника, вѣроятно, не всегда замѣчаемое, вліяніе современной свѣтской литературы не съ лучшихъ ея сторонъ, — а въздѣвствіе того оказывается забываемымъ извѣстное положеніе гомилетики: „церковная бесѣда есть воспроизведеніе Евангелія“, какъ равно забывается и то, что — въ подобныхъ случаяхъ проповѣдникъ и слушатели могутъ оказаться говорящими на разныхъ языкахъ. Когда

обращаются къ народу съ такой рѣчью: „видите ли *воиѣ тѣхъ людей*, что именуютъ себя филосогами девятнадцатаго вѣка? Прочтите“ и проч. (стр. 133): то можно описать, что въ сельскомъ храмѣ, при соотвѣтствующемъ жостѣ проповѣдника рукою, слушатели и въ самомъ дѣлѣ оглашаются, чтобы видѣть, гдѣ тѣ люди! Ту же фигуру вопрошенія проповѣдникъ употребляетъ (стр. 583), когда старается ввести слушателей „въ созерцаніе картины страшнаго суда“: „видите ли вы Судію? Видите ли радостныя лица праведниковъ? Но вотъ, слышите ли? раздается голосъ Судіи“ и проч. Увѣренъ ли опять проповѣдникъ, что и „картина“ его, и приглашенія слышать будутъ поняты не въ качествѣ фигуральнаго приема, а такъ, какъ все понимается въ деревнѣ? „Картиность“ съ цѣлію воздѣйствія на чувство, вообще, въ селѣ, кажется, найдеть почву неблагоприятную: тамъ слишкомъ много видятъ дѣйствительныхъ картинъ, чтобы испытывать воздѣйствіе отъ картинъ словесности! Сюда же должно отнести и такіе приемы и обороты, къ которымъ мы, люди читающіе, конечно, весьма привыкли: „отнимите вѣру въ силу таинства, и вы лишите міръ плодовъ искупленія“ (651); желающимъ спасенія „*стоитъ только стаять* на эту пробитую стезю, и они непременно будутъ тамъ же“, въ сонмѣ святыхъ (597). „Апостолъ говоритъ о жизни Христа, *рисуетъ одну какъ великій образъ* смиренія“ и проч. (стр. 481): эта фраза, я думаю, представляетъ примѣръ именно того, что иногда проповѣдникъ и слушатели оказывались говорящими рѣшительно на разныхъ языкахъ, отчего мысль слушателей, вѣроятно, „илутала“ совершенно безъ пользы такъ же, какъ— употребимъ выраженіе проповѣдника — „плутать по закоулкамъ мірской философіи одинъ престарѣлый мудрецъ науки“ (611). Не иначе, какъ вліяніемъ известнаго рода литературы, мы объясняемъ себѣ вторженіе въ языкъ проповѣдника такихъ выраженій, какъ: „данный случай“ (417), „роль судьбы“ (584), „постановка жизни“ (324), „разгромить силу сатаны“ (677), и даже такихъ, какъ „шарлатаны“ (348), пошлость и пѣкот. друг.

Хотя можно бы сказать и еще нѣчто относительно тѣхъ же сторонъ проповѣдей сборника о. Надеждинскаго, но— думаемъ—и приведенные, и не приведенные образцы изъ

его проповѣдей не измѣнять того положенія, которое мы позволили себѣ высказать еще рѣже, чѣмъ доставили оправдательныя выдержки. Это, что разсматриваемая проповѣди — не всегда суть сельскія проповѣди. Что въ проповѣдяхъ о. Надеждинскаго отнимаетъ основаніе надѣяться, чтобы многія изъ нихъ доходили до разумѣнія ихъ въ селѣ, это конечно по составляетъ и особенностей исключительно свойственныхъ его проповѣдямъ: всѣ въ этомъ отношеніи болѣе или менѣе согрѣшаемъ отъ нашей малоопытности въ этомъ дѣлѣ: припомнимъ, сколь недавно еще „проповѣди для простаго народа“ сдѣлались отраслью гомилетической литературы. Но позволяемъ себѣ высказать мнѣніе, что не совсѣмъ удачное сельское проповѣдничество у насъ, въ православной Руси, большею частію имѣетъ своимъ источникомъ то, что наши проповѣдники, въ своихъ проповѣдяхъ, стараются дать народу *слишкомъ много* во всякомъ смыслѣ, то есть, стараются сдѣлать изъ простаго челоуѣка то богослова, способнаго рѣшать все, чѣмъ занимаются богословы, то великаго подвижника въ извѣстномъ условномъ смыслѣ. Не будемъ повторять, конечно, что для народа нѣтъ какой нибудь запретной области для познанія, какъ нѣтъ черты нравственнаго совершенства для народа недоступной и ему непристойной. Нѣтъ, правило проповѣдника христіанскаго: все что для насъ, то и для народа. Но проповѣдь во всякомъ случаѣ должна имѣть дѣло съ дѣйствительностью, какъ это разумѣется даже и по отношенію къ Слову Божію: вѣдь и его мы переводимъ съ языка, на коемъ оно возвѣщено, на языки народныя. Дѣйствительность же какъ бы сама собою даетъ явную теорію народнои проповѣди, главными положеніями которой *въ настоящее время* будетъ: не стыдиться понизиться до выясненія народу такихъ вещей, которыя кажутся намъ почти вещами дѣтскаго пониманія; — оставить нашу ученость на сельской каюдрѣ, основательнѣе забыть и Штрауса и Ренана и греческихъ философовъ, ибо до того времени, когда эти послѣдніе въ самомъ дѣлѣ могутъ сдѣлаться вѣдомы и нашему народу, самая имена ихъ можеть быть придуть въ забвеніе, — исторія знаетъ, вѣдь, и такіе примѣры! Что есть нужда желать, чтобы сейчасъ сказанное дѣйствительно осуществлялось въ нашей сельской проповѣди, свидѣтель-

ство этому видимъ у самаго почтеннаго проповѣдника, съ которымъ мы теперь имѣемъ дѣло. Напомнимъ, что по его свидѣтельству народъ часто встрѣчаетъ даже простыхъ грамотѣвъ вопросомъ о томъ, „что намъ сдѣлать для того, чтобы наследовать жизнь вѣчную“. Много ли здѣсь можетъ дать грамотѣй? Но это значитъ, что церковная кафедра оказывается не всегда подъ силу воспріятію народа, а потому—пока нужно оставить опасеніе оказаться на кафедрѣ, послѣ прохожденія многоразличныхъ наукъ, не выше этихъ грамотѣвъ! Намъ подсказываютъ со стороны: проповѣдуйте народу о вредѣ отхожихъ промысловъ, ибо они—разрушаютъ семью, приучаютъ земледѣльца къ искусственнымъ потребностямъ городского пролетарія и т. п. Но отчего же мы—то сами просмотрѣли важность этого предмета для проповѣди? Не оттого ли, что приглашали народъ оставить все мірское, полемизировали съ Ренанами, сыпали укорами на людей предъ церковной кафедрой не—стоящихъ?

Въ заключеніе почитаемъ долгомъ оговориться: да не подумаетъ ктонибудь, что мы унижаемъ трудъ проповѣдничества, проповѣдническую дѣятельность почтеннаго автора. Нѣтъ, преклоняемся предъ сельскимъ пресвитеромъ, подъявшимъ трудъ тяжкій, настойчивый, совершенный въ глубокомъ убѣжденіи святости дѣла приходскаго учительства, — совершенный на ряду съ трудомъ и заботой о насущномъ хлѣбѣ. Но иное дѣло—проповѣдникъ и иное дѣло-авторъ, — иное дѣло—безвѣстное совершеніе труда церковнаго учительства и иное—появленіе въ качествѣ автора книги проповѣдей. Относительно перваго мы надѣемся вмѣстѣ съ проповѣдникомъ (стр. 68-1), что трудъ его принесетъ пользу, если даже „упадетъ на добрую почву только сотая доля“, вѣримъ, что трудъ его приносилъ пользу безъ отношенія къ тому, издалъ ли бы онъ книгу своихъ проповѣдей или нѣтъ. Относительно же втораго мы думаемъ, что авторъ книги проповѣдей подлежитъ критикѣ наравнѣ со всѣми другими авторами. То и другое должно быть раздѣляемо.

В. Кипарисовъ.